

Завоевание народного правительства. Хроника Союза 1841 года

Арчибальд Макмехан

The Winning of Popular Government

Archibald MacMechan

Электронная книга проекта "Гутенберг" о победе народного правительства

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Победа народного правительства

Автор: Арчибальд Макмехан

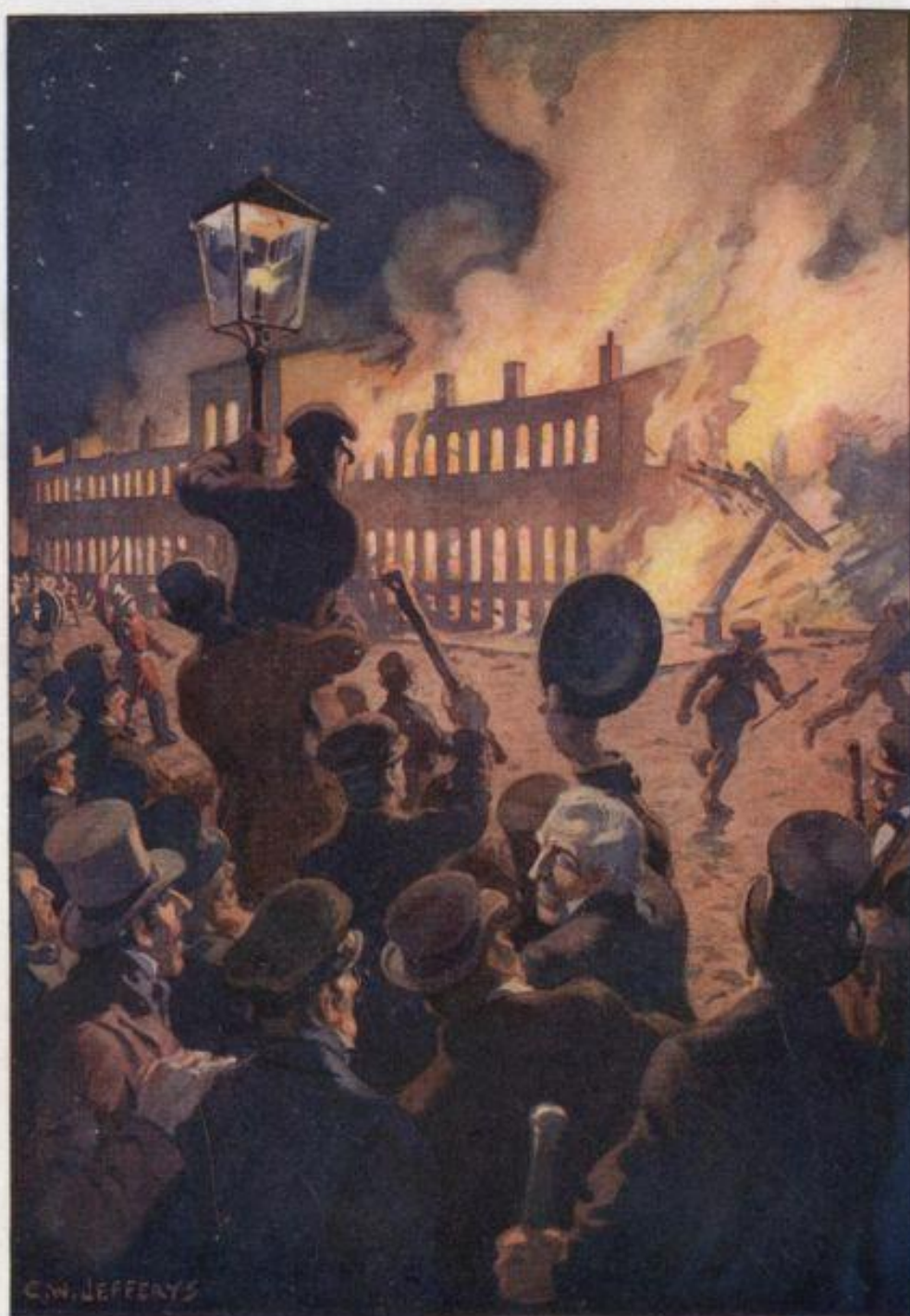
Дата выхода: 13 ноября 2009 г. [Электронная книга №30470]

Последнее обновление: 5 января 2021 г.

Язык: Английский

Втитрах: Продюсер Эл Хейнс

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПОБЕДА НАРОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА" ***

BURNING OF THE PARLIAMENT BUILDINGS,
MONTREAL, 1849

From a colour drawing by C. W. Jefferys

*Сожжение здания парламента, Монреаль, 1849 год.
С цветного рисунка К. У. Джеффериса*

ПОБЕДА НАРОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Хроника Союза 1841 года

АВТОР АРЧИБАЛЬД МАКМЕХАН

ТОРОНТО
ГЛАЗГО, БРУК И КОМПАНИЯ
1916

Авторское право во всех странах, подписавших Бернскую конвенцию

РОБЕРТУ АЛЕКСАНДРУ ФАЛЬКОНЕРУ, ПРЕЗИДЕНТУ УНИВЕРСИТЕТА ТОРОНТО,
СТУДЕНТУ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА И ВДОХНОВИТЕЛЮ ИСТОРИКОВ

Содержание

	Страница
I. ДАРЕМ - ДИКТАТОР	1
II. ПУЛЕТТ ТОМСОН, МИРОТВОРЕЦ	25
лет III. РЕФОРМА В СЕДЛЕ	66
IV. ВЕЛИКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ	97
V. УСТАНОВЛЕННЫЙ ПРИНЦИП	132
ЭПИЛОГ	161
БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА	166
УКАЗАТЕЛЬ	167

ИЛЛЮСТРАЦИИ

СОЖЖЕНИЕ ЗДАНИЯ ПАРЛАМЕНТА,
МОНРЕАЛЬ, 1849 г.

По цветному рисунку К. У. Джеффериса.

Фронтиспис

ГРАФ ДАРЕМСКИЙ

По мотивам картины сэра Томаса Лоуренса.

Первая страница 6

ЛОРД САЙДЕНХЭМ

С гравюры Г. Браунинга в Университетской

" 34

библиотеке М'Джилла .

СЭР ЧАРЛЬЗ БЭГОТ	" 74
С гравюры в архивах Доминиона.	
СЭР ЧАРЛЬЗ МЕТКАЛФ	82
По картине Брэдиша.	
ЧАРЛЬЗ, ЭРЛ ГРЕЙ	" 98
С картины сэра Томаса Лоуренса.	
СЭР ЛУИ Х. ЛАФОНТЕН	" 108
По фотографии Нотмана.	
ГРАФ ЭЛДЖИН	" 136
С дагерротипа.	

ГЛАВА I

ДАРЕМ - ДИКТАТОР

И пусть он будет диктатором
На шесть месяцев, не больше.

Любознательный турист в современном Торонто, которого проводят по ухоженным бесконечным аллеям с красивыми жилыми домами, составляющими гордость этого города, может быть удивлен, узнав, что в северном конце улицы, разделяющей город на две половины, восточную и западную, менее века назад сошлись в битве банды вооруженных канадцев. Если бы он продолжил свое путешествие в Монреаль, ему могли бы в какой-то момент сказать: "Здесь стояли здания парламента, когда наш город был столицей страны; и здесь генерал—губернатор Канады подвергся нападению толпы, был заброшен тухлыми яйцами и камнями и едва избежал смерти". И если бы интеллигентный путешественник спросил о причине таких сцен, когда сейчас все спокойно, ответ можно было бы дать одним словом - политика.

Молодым политика кажется довольно глупой разновидностью игры, в которую играют лысые и тучные люди среднего возраста, по очень высоким ставкам, и в которой нет правил, которые любой игрок обязан уважать. Между соперничающими командами не заметно никакой разницы, за исключением того, что один наслаждается сладостями должности, а у другого текут слюнки при виде них. Но это, конечно, поспешные суждения безжалостной молодежи. Борьба между политическими партиями в Канаде возникла в прошлом из-за различия в политических

принципах. Это было различие, которое можно было определить; его можно было выразить простыми словами. С одной и другой стороны можно сформулировать руководящие идеи; их можно защищать и на них можно нападать в логических дебатах. Иногда человеку может не хватить ума объяснить разницу между входами и выходами. Иногда политика может быть игрой, но часто это была битва. В поддержку своих политических принципов люди пробуждали самые сильные страсти и свои глубочайшие убеждения в добре и зле. То, чем живут люди, их религиозные убеждения, их расовая гордость, были учтены как с одной, так и с другой стороны. Это верно и для канадской политики.

Эта зловещая дата, 1837 год, знаменует определенную кульминацию в политическом развитии Канады. Конституция страны сейчас работает с таким минимумом трений, что те, кто не читал историю, предполагают, что так было всегда. Существует реальная опасность забыть о том, что не так давно весь механизм управления в одной провинции вышел из строя, что в течение месяцев, если не лет, казалось, что гражданскому правлению в Нижней Канаде пришел конец, как будто колониальная система Великобритании потерпела неудачу сверх всякой надежды. *Deus nobis haec otia fecit.* Но нынешнее спокойствие Канады наступило не чудом; оно наступило благодаря усилиям ущербных людей, борющихся за политические принципы, в которые они верили и за которые были даже готовы умереть. Восстания 1837 года в Верхней и Нижней Канаде и то, что к ним привело, истоки и причины этих восстаний, должны быть поняты, если последующая борьба партий и эволюция разрозненных колоний Британской Северной Америки в компактное объединенное Доминион Канада не являются запутанной и бессмысленной историей.[1]

Какими бы тщетными и жалкими ни были восстания, независимо от того, рассматривались ли они как попытки создания нового правительства или как военные авантюры, они имели широкомасштабные и наиболее серьезные последствия внутри страны и за ее пределами. В Британии эта новость вызвала ужас. Восстали еще две американские колонии. Произошли сражения, и британские войска потерпели поражение. Они могли бы оказаться, как думал Сторроу Браун, один из лидеров "Сынов свободы" в Нижней Канаде, такими многочисленными Лексингтонами, за которыми последуют Саратога и Йорктаун. Сэр Джон Колборн, главнокомандующий, запросил подкрепления. В Нижней Канаде гражданскому правлению пришел конец. Существовала опасность международных осложнений. Британский парламент нашел почти беспрецедентное средство для борьбы с беспорядками. Он наделил одного человека чрезвычайными полномочиями. Он должен был стать генерал-капитаном и главнокомандующим провинциями Британской Северной Америки, а также "Верховным комиссаром по урегулированию некоторых важных вопросов, зависящих от ... Провинции Нижняя и Верхняя Канада уважают форму и будущее правительство указанных провинций". Ему была предоставлена "вся полнота власти ... всеми законными способами и средствами расследовать все вопросы и, насколько это возможно, урегулировать их ... уважая форму и управление гражданского правительства провинций, как указано выше. Эти чрезвычайные полномочия были предоставлены выдающемуся политику от имени молодой королевы Виктории и во время ее соизволения. Обычный и формальный язык комиссии - "особое доверие к мужеству, благоразумию и лояльности" комиссара - имеет в данном случае глубокое значение; ибо смелость, благоразумие и лояльность были необходимы, и все они должны были подвергнуться испытанию.

Человек, рожденный для кризиса, был типом класса, который канадская демократия вряд ли могла понять. Он был аристократическим радикалом. Нельзя допустить, чтобы его недавно приобретенный титул, лорд Дарем, заслонил тот факт, что он был Лэмбтоном, главой старинного графского рода, который благодаря своему долгому происхождению имел право смотреть свысока на половину Палаты пэров как на ничтожество. В семейном поместье, замке Лэмбтон, в графстве Дарем, Лэмбтон за Лэмбтоном жил и правил как мелкий принц. Там в августе 1792 года родился Джон Джордж. Его отец был вигом, постоянным другом Чарльза Джеймса Фокса в то время, когда оппозиция правительству из-за войн с Францией означала социальный ostracism; и он отказался от звания пэра. Сын пользовался обычными преимуществами молодого англичанина в его положении. Он получил образование в Итоне и Кембриджском университете. Три года в первоклассном кавалерийском полку в то время, когда вся Англия была под ружьем, вряд ли могли уменьшить его чувство принадлежности к своей касте. Женитьба в Гретна-Грин на наследнице, когда он был еще несовершеннолетним, характерна для его порывистого темперамента, как и дуэль, на которой он дрался с мистером Бомонтом в 1820 году в разгар предвыборной борьбы. После периода политической реакции после Ватерлоо, реакции, которую разделяла вся Европа, Англия встала на путь реформ, ведущих к измененной демократии; и Лэмбтон, войдя в парламент в удачный момент, оказался на гребне волны. Его принципы виггов одержали победу, а его личные способности и энергия выдвинули его в число лидеров нового реформаторского движения. Он был зятем Эрла Грея, автора законопроекта о реформе 1832 года, и стал членом Кабинета Грея. До канадского кризиса он продемонстрировал свою способность справиться с трудной ситуацией в дипломатической миссии в России, где, как говорят, преуспел благодаря проявлению такта. Его прозвали "Радикальный Джек", но кого-либо менее "демократичного", как обычно понимают этот термин, было бы трудно найти. Он окружил себя почти царственным положением во время своего краткого правления Канадой. В Квебеке, в замке Сент-Луис, он жил как принц. Рассказывают много историй о его высокомерном самоутверждении и надменности. Лично он был поразительно красив. Лоуренс нарисовал его мальчиком. Он был способным оратором. У него был вспыльчивый характер, который делал сотрудничество с ним почти невозможным, и который, несомненно, усугубляло его слабое здоровье. Он был тщеславен и амбициозен. Но он был одарен политической проницательностью. Он обладал кипучей энергией и искренним желанием служить общему благу. Таков был врач, выбранный британским правительством для лечения язв плохого правления и недовольства в политическом организме Канады.

THE EARL OF DURHAM
After the painting by Sir Thomas Lawrence

Граф Даремский.

По мотивам картины сэра Томаса Лоуренса.

Лорд Дарем получил свое назначение в марте 1838 года. Но, хотя необходимость в срочных действиях была настоятельной, он не сразу отправился в Канаду. За задержку он подвергся критике со стороны своих политических оппонентов, особенно со стороны лорда Броэма, когда-то его друга, а теперь злейшего врага. Однако двадцать четвертого апреля Дарем отплыл из Плимута на пароходе Его величества *Гастингса* с группой из двадцати двух человек. Помимо

своих военных помощников для декоративных целей, он пригласил в свою свиту одних из лучших умов того времени, Томаса Тертона, Эдварда Гиббона Уэйкфилда и выдающегося ученика Карлайла Чарльза Буллера. Для Дарема характерно, что он привез с собой музыкальный оркестр и что он должен усердно работать со своими секретаршами на всем пути через Атлантику. Двадцать девятого мая "*Гастингс*" был в Квебеке. Лорд Дарем был принят исполняющим обязанности администратора сэром Джоном Колборном и проведен по многолюдным улицам между двойными кордонами солдат в замок Святого Людовика, резиденцию вице-короля.

Если Дарем и медлил с отправлением к месту своих трудов, то по прибытии в Канаду он, не теряя времени, принялся за решение своих проблем. "Принц в своем стиле жизни, неутомимый в бизнесе, энергичный и решительный, хотя и с надменными манерами, и желающий принести пользу Канаде", - таково суждение современника о новом правителе. В день приведения к присяге он опубликовал свою первую прокламацию. Наиболее значимые заявления в ней: "Честные и добросовестные сторонники реформ ... они получают от меня, без различия партии, расы или политики, ту помощь и поощрение, на которые имеет право их патриотизм ... но возмутители общественного спокойствия, нарушители закона, враги короны и Британской империи найдут во мне бескомпромиссного противника, преисполненного решимости применить против них все гражданские и военные полномочия, которыми я был облечен". Дарем провозгласил политику твердости, объединенную с примирением. Он пришел, неся в одной руке вложенный в ножны меч, а в другой - оливковую ветвь. Заявление было хорошо воспринято; канадцы были готовы принять его как "друга и арбитра". Он должен был заслужить право на оба титула.

Дарем был полон решимости начать с чистого листа. С характерным пренебрежением к прецедентам он распустил существующий Исполнительный совет, а также специальную группу советников Колборна и сформировал вместо них два новых совета, состоящих из членов его личного штаба, военных офицеров, канадских судей, секретаря провинции и генерального комиссара. Вместе они образовали комитет по расследованию и консультированию; и, поскольку в его состав входили как местные, так и неместные элементы, это был комитет, специально приспособленный для предоставления необходимой информации и беспристрастного рассмотрения всех вопросов со стороны. Этот комитет, действующий совместно с Верховным комиссаром, занял место обычного конституционного правительства в Нижней Канаде. Это было произвольное временное решение, принятое для выхода из кризиса.

Во время долгого и утомительного плавания "*Гастингса*" Верховный комиссар не сидел сложа руки. Он упорно работал по много часов в день над запутанным канадским вопросом, изучая документы, составляя планы, обсуждая пункт за пунктом со своими секретаршами. Оказавшись в стране, он самым тщательным и систематическим образом приступил к работе по сбору дополнительных знаний. Он назначил комиссии для представления докладов по всем особым проблемам правительства — образованию, иммиграции, муниципальному управлению, управлению землями короны. Он получал отчеты из всех источников; он совещался с людьми всех оттенков политических взглядов; он созвал представительные делегации из самых отдаленных регионов, находящихся под его властью; он совершил краткую поездку на Ниагару, чтобы увидеть страну собственными глазами и изучить условия. Такой труд был не по силам ни одному человеку, но Дарема умело поддерживала группа его верных помощников и публика, готовая сотрудничать. Результатом всей этой деятельности стало накопление бесценных

данных, на основе которых был составлен великий документ, известный как Отчет лорда Дарема.

Обычно упускается из виду, что в этот период Канада находилась в опасности как со стороны внешних, так и внутренних врагов. Едва Дарем приземлился в Квебеке, как произошла серия инцидентов, которые могли привести к войне между Великобританией и Соединенными Штатами. Канадский пассажирский пароход "*Сэр Роберт Пил*", следовавший из Прескотта в Кингстон, был взят на абордаж на острове Уэллс неким "Биллом" Джонсоном и группой вооруженных людей с почерневшими лицами. Пассажиры и команда были высажены на берег без своих вещей, а пароход был подожжен и уничтожен. Очень скоро после этого американский пассажирский пароход был обстрелян чересчур ретивыми часовыми в Броквилле. Вместе взятых этих двух безобразий было почти достаточно, учитывая состояние чувств с обеих сторон, чтобы поставить Империю и Республику на уши.

Значение этих и других подобных инцидентов можно понять, только вспомнив ментальный настрой американцев того времени. У них было стойкое отвращение ко всему британскому. Это не сильно преувеличено Диккенсом в "*Мартине Чезлвите*". И такое отношение было совершенно естественным. Американцы победили, или думали, что победили, британцев в двух войнах. Самой причиной существования их нации была их оппозиция британской тирании. Они видели, что тирания во всей ее пагубности губит две Канады. Они видели, как эти угнетенные колонии восстают, как восстали они сами, против своих угнетателей. Чтобы сделать опасность еще более острой, изгнанные канадцы, в частности Уильям Лайон Маккензи, переезжали с места на место в Соединенных Штатах, подстрекая свободнорожденных граждан Республики помогать делу свободы по ту сторону границы. Был прецедент вмешательства. Всего за год до битвы при Сент-Чарльзе американский герой Сэм Хьюстон вырвал огромный штат Техас из-под жестокого правления Мексики и основал новую независимую республику. Отсюда возник огромный заговор "Охотничьих лож" по всей северной границе Соединенных Штатов, подробнее о котором в следующей главе.

Дарем принял незамедлительные меры. Он предложил вознаграждение в тысячу фунтов стерлингов за информацию, которая позволит привлечь виновных к суду в американском, а не канадском суде. Тем самым он фактически сказал: "Это не международное дело. Это явное нарушение законов Соединенных Штатов, и я уверен, что Соединенные Штаты желают предотвратить подобные безобразия". Он продолжил это смелое заявление о вере в американское правосудие, отправив своего шурина, полковника 71-го полка Грея, в Вашингтон, чтобы изложить факты президенту Ван Бюрену и решительно протестовать против распушенности, которая позволила вооруженным силам организоваться в пределах границ Республики для нападения на ее мирного соседа. Подобная распушенность противоречила международному праву. В результате энергичных действий Дарема вооруженные силы по обе стороны линии разграничения работали согласованно, чтобы положить конец такому беззаконию. Однако позиция президента Ван Бюрена стоила ему популярности в его собственной стране.

Самый насущный и острый вопрос заключался в том, как поступить с сотнями заключенных, которые после восстания заполнили канадские тюрьмы. Многие из них подозревались только в государственной измене; некоторые были схвачены во время мятежа; а некоторые были

заключены под стражу как зачинщики, обвиненные в преступлениях, которые ни одно правительство не могло не заметить и не надеялось пережить. В некоторых странах решение было бы простым: заключенных прижали бы к ближайшей стене и расстреливали группами, как расправлялись с коммунистами в Париже в "красном квартале" 1871 года. Даже в Канаде раздавались отвратительные крики о кровавых расправах. Но укоренившаяся британская привычка предавать самого страшного преступника справедливому суду блокировала такой быстрый способ восстановления спокойствия. И все же справедливый суд был невозможен. При тех настроениях, которые тогда царили в провинции, ни один французский суд присяжных не осудил бы, ни один английский суд присяжных не оправдал бы француза, обвиняемого в государственной измене, какой бы большой или незначительной ни оказалась его вина. Процесс суда над столькими сотнями заключенных был бы просто множеством примеров обременительной задержки со стороны закона. Оставить их гнить в тюрьме, как король Бомба бросил политических преступников, выступивших против его правления, было немыслимо. Дарем смело и милосердно справился с трудностями. Молодая королева была коронована 28 июня 1838 года. Такое событие - это всегда сезон ликования и возможность проявить королевское милосердие при освобождении пленников. Следуя этому прекрасному обычаю, Дарем провозгласил в тот день амнистию от имени своего государя; и через месяц после своего прибытия он даровал свободу сотням несчастных, которые перенесли много лишений в старых, жестоких тюрьмах того времени, в дополнение к пыткам неизвестности относительно их окончательной судьбы.

Были и такие, кого нельзя было так отпустить. Их было всего восемь, но это были такие люди, как Вулфред Нельсон и Роберт Бушетт, чья измена была открытой и печально известной. Они знали, и Дарем знал, что они не смогут добиться справедливого судебного разбирательства. Поэтому Верховный комиссар обошел закон и своим указом выслал этих зачинщиков на Бермуды во время соизволения Ее Величества. Дарем был очень доволен таким счастливым решением сложной и деликатной проблемы. Он поздравил себя, насколько это было возможно, с тем, что пресек восстание, не пролив ни капли крови. "Виновные получили правосудие, заблудшие - милосердие, - писал он королеве, - но в то же время лояльным и миролюбивым подданным этой до сих пор расстроенной провинции предоставлена безопасность". Более того, его действия были "одобрены всеми сторонами — сэром Дж. Колборном и всей британской партией, канадцами и всей французской партией". Дарем полагал, что теперь этот вопрос решен и что он может беспрепятственно приступить к своей главной задаче восстановления. Но его вполне оправданное удовлетворение длилось недолго.

Пока Верховный комиссар трудился в Канаде, как мало кто из чиновников когда-либо трудился, на благо Империи, его враги и равнодушные друзья в Англии готовили его падение. Из его врагов самым ожесточенным и беспринципным был Броэм, политический Измаил, любопытное сочетание злобности и разносторонней интеллектуальной мощи. Он критиковал задержку Дарема с отъездом в Канаду; и он был только рад тому, что автократический, царский указ о высылке на Бермуды помог ему справиться с его врагом. Почти всегда во власти партийного политика исказить и представить в ложном свете поступок оппонента, каким бы справедливым или безупречным этот поступок ни был. Броэм много говорил о правах свободных людей, узурпации, диктатуре. Как юрист, он поднял юридический вопрос о том, что Дарем не может высылать правонарушителей из Канады в колонию, над которой у него нет юрисдикции. Он привлек на свою сторону других юристов, чтобы выступить против состава совета Дарема. Буря, поднятая Броэмом, могла бы не причинить вреда, если бы политические союзники Дарема по-

мужски поддержали его. Но премьер-министр Мельбурн, всегда робкий друг, согнулся перед взрывом, и постановление Дарема было отменено. Верховный комиссар, которому были предоставлены такие большие полномочия, был обвинен в превышении этих полномочий. Дарем принадлежал к касте, которая воспринимала пятно на своей чести как рану. Непризнание его постановления местными властями было ударом по лицу. Это положило конец его карьере в Канаде, подорвав его авторитет. В те дни, когда общение было медленным, новости о запрете дошли до него с опозданием. Случайно, из американской газеты, он впервые узнал об этом факте двадцать пятого сентября. Он немедленно подал заявление об отставке, изложил народу Канады причину этого в прокламации и как можно скорее навсегда покинул страну. Чучело Броэма было сожжено в Квебеке. Восьмерка счастливицев, уже находившаяся на Бермудах, была быстро освобождена. Никогда лидеры неудачного восстания не страдали так сильно из-за своей неосмотрительности. С Бермудских островов они направились в Нью-Йорк, чтобы возобновить свою агитацию. Первого ноября Дарем покинул Квебек так же, как и вступил в этот город, со всей pompой военного парада и на всеобщее обозрение общественного интереса. Он пришел в кризис; он ушел в разгар кризиса. Он пробыл у власти пять месяцев - почти точный срок, на который римляне выбирали своего главного магистрата в случае чрезвычайного положения в стране и называли его диктатором.

В глазах врагов Дарема его указ об изгнании был указом; и, на первый взгляд, это выглядит как неоправданное превышение его полномочий. Но Дарем был на месте и обязательно должен был знать преобладающие условия гораздо лучше, чем его критики за три тысячи миль от него. Отчаянные болезни требуют отчаянных средств. Всегда предполагается, что прав будет тот, кто стоит на месте; и потомство вынесло окончательное одобрительное суждение по поводу смелого решения Дарема разрубить Гордиев узел. Новые факты выставили все дело в новом свете. Документ Буллера, [2], до сих пор не опубликованный, показывает, что постановление было обнародовано *только после консультаций с заключенными*. "Заключенные, которые ожидали, что правительство воспользуется своей властью собрать присяжных, были очень готовы ходатайствовать о том, чтобы от них избавились без суда, и поскольку я тем временем убедился, что предлагаемый способ обращения с ними не будет осужден ведущими деятелями британской партии, лорд Дарем принял предложенный план". Они рассматривали изгнание как неожиданную милость, как и следовало ожидать. Единственной альтернативой была скамья подсудимых, камера для приговоренных к смертной казни и виселица.

Тридцатого ноября Дарем высадился в Плимуте, и к середине следующего января он закончил свой отчет. В начале февраля она была напечатана и передана в Палату общин. Любопытная легенда, приписывающая авторство Буллеру, прослеживается благодаря злобе Броэма. Маколей и Броэм встретились на лондонской улице. Великий историк-виги высоко оценил Отчет. Броэм принижал его. "Дело, - утверждал он, - исходило от преступника, стиль - от щеголя, а диктатор представил всего шесть писем, Д-у-р-х-а-м.". Весь вопрос был тщательно обсужден Стюартом Дж. Рейдом в его книге *"Жизнь и письма первого графа Дарема"*, и мифу было придано успокоение. Даже если бы отсутствовали прямые внешние доказательства,

беспристрастное изучение самого документа избавило бы от легенды. По стилю, темпераменту и методу оно наиболее близко соответствует публичным депешам и частным письмам Дарема.

Составление этого самого заметного государственного документа было последней услугой Дарема Империи. Немногим более года спустя он был мертв и похоронен в своем родном графстве. Пятьдесят тысяч человек посетили его похороны. Мавзолей в форме греческого храма отмечает его могилу. Средства на этот памятник были собраны по общественной подписке, такова была сила народного уважения. Его предсмертные слова оказались пророческими: "Однажды Канада воздаст должное моей памяти".

Этот отчет стал наследием Дарема для его страны. Он раз и навсегда определил принципы, которые должны регулировать отношения колонии с метрополией, и заложил основы нынешнего канадского единства. Это не понравилось фракциям в Канаде; это было сказано слишком прямо. Даже в настоящее время могут быть сделаны исключения из некоторых его рекомендаций и выводов. Но его точные изображения "этой доселе беспокойной колонии" позволяют изучающему историю и честному патриоту оценить прогресс, достигнутый страной с тех пор на пути к государственности. Если это неприятно, то читать очень легко. Немногие парламентские отчеты более полно содержат жизненно важные факты или сформулированы более четким языком. В задачу его составления автор вложил энергию, проницательность, чувство общественного долга, желание быть справедливым и, что лучше всего, непредубежденность, совершенную готовность отказаться от предубеждений перед лицом свежих фактов. Его обширная схема расследования, проведенная им самим и группой его способных помощников, позволила ему контролировать огромное количество данных. По этому поводу он рассуждал с замечательными результатами.

Отчет состоит из четырех частей. Первая и, безусловно, самая большая часть посвящена Нижней Канаде как главному центру шторма. Второй касается Верхней Канады; третий - Приморских провинций и Ньюфаундленда. Диагностировав болезнь в политическом организме, Дарем предлагает лекарство. Четвертая часть представляет собой краткое описание предлагаемого лечебного процесса.

"Я ожидал увидеть соперничество между правительством и народом; я обнаружил две нации, воюющие в лоне единого государства". Одним этим предложением Дарем уточняет ситуацию в Нижней Канаде. Ничто так не удивит современного канадца, как приведенные свидетельства "смертельной вражды", которая тогда существовала между двумя расами. Даже дети на улицах дрались, французы против англичан. Социальное общение между этими двумя было невозможно. В отчете показаны исторические истоки и тщательно прослеживается ход этой "смертельной вражды". Авторы находят много достойного восхищения в характере французского жителя, но не щадят ни его недостатков, ни недостатков его политических лидеров. Это показывает, что первоначальная расовая ссора усугублялась поведением руководящих чиновников как дома, так и в Канаде, пока французы не взяли за оружие. Последствия были "злом, которое ни одно цивилизованное сообщество не может долго терпеть". Должно быть "решение"; и оно должно быть "быстрым и окончательным".

В Верхней Канаде Дарем столкнулся с иной ситуацией. Там люди были не "рабскими орудиями узкой чиновничьей клики или горстки кичливых торговцев", а "стойкими фермерами и

скромными механиками, составляющими очень независимую, не очень управляемую, а иногда и довольно беспокойную демократию". Проблема заключалась в том, что небольшая партия обеспечила себе монополию на власть и сопротивлялась законным усилиям умеренных реформаторов установить подлинно демократическую форму правления. Неуравновешенные экстремисты взялись за оружие, но здравый политический инстинкт подавляющего большинства был против них. Здесь первоначальные трудности также были осложнены официальным невежеством в Англии и неразумием властей на месте. Результатом стало то, что эти "обширные и плодородные территории" оказались в отсталом, почти отчаянном состоянии. Их бедность и застой представляли собой удручающий контраст с процветанием и бодрящей суматохой великой американской демократии.

Другие отдаленные провинции не представляли таких серьезных проблем. Существовали различные аномалии и трудности, но они были на пути к устранению.

"Зло, с которым не могло смириться ни одно цивилизованное сообщество", должно было быть устранено законодательным союзом Канады. Время для федерального союза прошло. Дверь должна быть либо открыта, либо закрыта; французская провинция определенно должна стать британской провинцией и найти свое место в Империи. Чтобы положить конец вечному тупику в отношениях между губернатором и представителями народа, Исполнительная власть должна быть возложена на Ассамблею; и, чтобы сблизить разрозненные провинции, должна быть построена межколониальная железная дорога. Другими словами, устаревшая, порочная система колониального правления должна подвергнуться радикальной реформе, как внутри, так и снаружи, потому что "пока нынешнему положению вещей позволено длиться, фактические жители этих провинций не имеют личной безопасности или собственности, не пользуются тем, чем обладают, не стимулируют промышленность".

История о том, как была проведена эта реформа и как, несмотря на множество препятствий, она увенчалась триумфальным успехом, навсегда должна остаться одной из важнейших глав в политической истории Канады.

[1] Историю восстаний можно найти в двух других томах этой серии, *"Семейный договор"* и *"Патриоты 37-го"*, Более раннюю историю смотрите в *"Отце Британской Канады"* и *"Лоялистах Объединенной империи"*.

[2] Очерк миссии лорда Дарема в Канаду в 1838 году, написанный Чарльзом Буллером. Смотрите издание доклада лорда Дарема, отредактированное с введением сэром К. П. Лукасом: Оксфорд, 1912. Оригинал документа был передан доктору Артуру Г. Даути, архивариусу Доминиона, нынешним графом Даремом.

ГЛАВА II

ПУЛЕТТ ТОМСОН, МИРОТВОРЕЦ

Уязвленный и разгневанный тем, что он считал невыносимым оскорблением, Дарем передал бразды правления в твердые руки этого прекрасного старого солдата, сэра Джона Колборна, и отправился разговаривать со своими врагами у ворот. Дело Канады не только истекло кровью; но как только Дарем повернулся к нему спиной, восстание вспыхнуло снова. Эта вторая вспышка возникла из-за поддержки, оказанной канадским революционерам американскими "сочувствующими". Полная история "Охотничьих домиков" никогда не была рассказана, и чувства, вдохновляющие эту организацию, были совершенно естественно неправильно поняты и представлены в ложном свете канадскими историками. В тридцатые годы девятнадцатого века западный Нью-Йорк был "границей", и он был населен дикими, неграмотными выходцами с границы, знакомыми с ружьем и охотничьим ножом, воспитанными в революционных традициях и воспитанными ораторским искусством Четвертого июля в ненависти ко всему британскому. Воспоминания о 1812 году были свежи в памяти каждого. Этим простым душам их собственные лидеры и политические беженцы из Канады, такие как Уильям Лайон Маккензи, говорили, что две провинции стонут под игом "кровавой английской королевы", что они кипят от недовольства, что все, что им нужно, - это небольшая помощь от свободных, рыцарственных американцев, и угнетенные колонисты навсегда избавятся от британской тирании. Апеллировали к менее возвышенным чувствам. Каждый патриот должен был получить солидный земельный надел на вновь отвоеванной территории. Соответственно, весной и летом 1838 года по всей северной границе Соединенных Штатов был тайно организован крупный план оказания вооруженной поддержки республиканцам Канады. Это было тайное общество "Охотничьих лож" с ритуалом, паролями, степенями. Каждая "Ложь" была независимой местной организацией, но группа организаторов контролировала всю серию от Нью-Йорка до Детройта. Британские кадровые офицеры, сражавшиеся с ними, единообразно называют "охотников" "разбойниками" и "бандитами", и эти термины были переданы канадскими историками без критического анализа; но не со всей справедливостью. Какими бы введенными в заблуждение они ни были, "Охотники" смотрели на Канаду только так, как англичане смотрят на Грецию, или Польшу, или Италию, борющихся за политическую свободу: их чувства, хотя и неверно направленные, были какими угодно, но только не постыдными. Руководствуясь этим чувством, польский беженец Фон Шульц возглавил небольшой отряд "Охотников", мальчиков и юношей из штата Нью-Йорк, в нападении на Прескотт 10 ноября 1838 года. Ему удалось удивить город и занять прочное положение в старой ветряной мельнице, которая сейчас является маяком, и поблизости от нее. Технически его позиция была "головой на мостике", и он с большими

потерями отбил первую попытку вывести его из нее. Если бы он получил надлежащую поддержку с американского берега реки и если бы канадцы действительно были готовы к восстанию *в массовом порядке*, как его заставили поверить, история Канады могла бы измениться. Как бы то ни было, захватчики были отрезаны и под угрозой обстрела из тяжелых орудий сдались. Их лидер заплатил за свое ошибочное рыцарство жизнью на виселице в старом форте Генри в Кингстоне; и, в знак признания своей ошибки, он оставил в своем завещании определенную сумму денег в пользу семей тех на британской стороне, кто погиб во время его вторжения. Некоторые из его последователей были повешены, некоторых перевезли в Тасманию, а некоторые были отпущены на свободу. В течение той зимы "Охотники" совершали различные другие нападения вдоль границы, которые были отбиты без особых усилий. Хотя сейчас опасность кажется незначительной, в то время она не казалась незначительной правителям Канады. Численность и мощь "Охотников" были неизвестны; симпатии американского народа были на их стороне, особенно в то время, когда флибустьеров судили в драм-хедском военном трибунале и повесили; и существовала неминуемая опасность того, что Соединенные Штаты под давлением народного гнева будут втянуты в войну с Великобританией.

Все лето 1838 года лидеры повстанцев в Соединенных Штатах готовили новое восстание. Они ни в коем случае не были убеждены, что их дело проиграно. Недовольство сохранялось в некоторых частях Нижней Канады, и жители питали надежды на то, что вооруженная помощь сторонников АМЕРИКИ обеспечит успех второй попытки обретения независимости. Возможно, это самая грубая случайность в датировке; но Дарем сел на корабль в Квебеке первого ноября, а доктор Роберт Нельсон был провозглашен президентом канадской республики четвертого ноября в Нейпервилле. Копия прокламации Нельсона, сохранившаяся в архивах Оттавы, представляет собой ясное свидетельство целей и намерений канадских радикалов: они хотели не чего иного, как отдельной, независимой республики, и они торжественно отказались от верности Великобритании. В двух пунктах недалеко от американской границы, Нейпирвилле и Оделлтауне, лояльные ополченцы и регулярные войска вступили в столкновения с повстанцами и разогнали их. Снова были заполнены тюрьмы, которые по милости Дарема опустели. Снова раздался клич о крови повстанцев, и зимнее небо покраснело от пламени горящих домов, в которых укрывались повстанцы. Сотни франко-канадцев бежали через границу; и с этого года начинается иммиграция из Квебека в Новую Англию, которая оказала такое влияние на его промышленные города и такую реакцию на население, оставшееся дома. Другим плодом этого злополучного восстания стала навязчивая панихида по Жерину Ладжуа, *странствующему канадцу*. Двенадцать лидеров были привлечены к суду за государственную измену, признаны виновными и повешены в Монреале. Некоторые из них были однажды помилованы за участие в прошлогоднем восстании; некоторые были замешаны в простом убийстве; все были виновны; но холодные обдуманные формальности виселицы, страдания несчастных людей, их поведение на эшафоте, тщетные попытки добиться отсрочки приговора вызвали сильное отвращение в народе в их пользу. По общему праву наций они были предателями, но их по-прежнему называют "патриотами".

В Торонто Лоунт и Мэтьюз, два лидера повстанцев Верхней Канады, были повешены во дворе тюрьмы 12 апреля 1839 года. Прощение о пощаде было отклонено; жена Лаунта на коленях умоляла вице-губернатора сохранить жизнь ее мужу, но тщетно. И здесь общественное мнение выражало главным образом жалость к несчастному. Но эти казни не удовлетворили экстремистов. Вице-губернатор сэр Джордж Артур, который долгое время был начальником исправительного учреждения в Тасмании, открыто выступал за ужесточение наказания, и

мстительные лоялисты громко поддерживали его. Вся работа Дарема казалась невыполненной. Политические взгляды канадцев в 1839 году были, если уж на то пошло, мрачнее и безнадежнее, чем два года назад.

Почти столь же серьезным, как и политическое положение страны, было финансовое положение. Восстания 37-го года совпали с широко распространенным финансовым кризисом в Соединенных Штатах, который неизбежно отразился на всем бизнесе в Канаде, и дела шли все хуже и хуже. К лету 1839 года Верхняя Канада — нынешнее богатое и процветающее Онтарио — была на грани банкротства. Причина крылась в амбициях этой провинции. Первые дороги в любую новую страну — это реки. Поэтому население Канады сначала последовало за ними и расселилось вдоль древнего водного пути Святого Лаврентия и Великих озер. Но это замечательное шоссе было кое-где перекрыто естественными препятствиями для судоходства, длинной чередой порогов и гигантским обрывом Ниагары. Для преодоления этих препятствий были спроектированы и построены дорогостоящие каналы Корнуолл и Уэлланд. Денег на такие масштабные общественные работы нельзя было найти в новой стране, находящейся на начальной стадии развития; их приходилось занимать за пределами; и ежегодные проценты по этим займам составляли 75 000 фунтов стерлингов, что составляло более половины годового дохода провинции. И эти огромные проценты были покрыты катастрофической политикой дальнейших заимствований. После того, как Пулетт Томсон, преемник Дарема, познакомился с Верхней Канадой — "лучшей страной, которую я когда-либо видел", — писал человек, повидавший всю Европу, — он свидетельствовал: "Финансы в Англии в еще большем расстройстве, чем мы думали.... Все общественные работы приостановлены. Продолжается быстрая эмиграция из провинции. Собственность каждого человека стоит лишь половину того, что она была на самом деле". Несомненно, политические и финансовые проблемы Канады требовали высочайшего мастерства для их решения.

В то время как ситуация в Канаде развивалась подобным образом, доклад лорда Дарема по Канаде был представлен британской палате общин, и его предложения по реформе были доведены до сведения британской общественности. Это выявило некомпетентность лорда Гленелга на посту министра по делам колоний; он ушел в отставку и уступил место лорду Джону Расселу, который был полностью согласен с принципами и рекомендациями Доклада. Главная рекомендация заключалась в том, что единственно возможное решение канадской проблемы заключается в политическом союзе двух провинций. Сначала британское правительство было склонно достичь этой желанной цели прямым императорским указом, но ввиду решительного противодействия Верхней Канады оно мудро решило заручиться согласием самих двух провинций на новый статус и побудить их, по возможности, объединиться по их собственной инициативе в новое политическое образование. Важно было заручиться согласием управляемых; но они были беспокойны, раздираемы фракциями, и их трудно было образумить.

Для выполнения задачи такой сложности и деликатности не требовался обычный человек. Сэр Джон Колборн не справился с ней; он был простым солдатом, но не дипломатом. Он был возведен в звание пэра как лорд Ситон и переведен. Второй Верховный комиссар, обладающий практически полномочиями диктатора, был назначен генерал-губернатором вместо него. Это был молодой парламентарий, прошлое, подготовка и мировоззрение которого сильно отличались от взглядов его предшественников. Вместо армии или семьи графства новый генерал-губернатор олицетворял достоинство старомодной лондонской коммерческой жизни. Чарльз Пулетт Томсон занимался торговлей; он был партнером в фирме "Томсон, Бонар и Ко",

"Сальные торговцы". Сейчас сальное производство не обычно считается очень возвышенной формой бизнеса или воротами к высокому положению; но во времена свечей это был бизнес первостепенной важности. Свечи были тогда единственным источником света в величественных домах Англии, в Палате общин, в театрах. Боевые фонари тысячи британских кораблей были зажжены свечами. Запасы жира приходится доставлять из дальних стран, таких как Россия. И этот бизнес сформировал генерал-губернатора Канады. Подростком его отправили в контору, подмастерьем коммерции, и таким образом он избежал "воспитания джентльмена" в жестоких государственных школах и дегенеративных университетах того времени. Бизнес в те дни был своего рода святостью и подчинялся скрупулезному — почти религиозному — распорядку. В интересах бизнеса он, будучи молодым и впечатлительным, отправился в Россию и с выгодой для себя смешался с столичным космополитическим обществом. Плохое состояние здоровья вынудило его уехать на юг Франции и Италии, где он прожил два года. Он был той редкой натурой, которая действительно извлекает пользу из путешествий. Таким образом, в стране с одним языком он стал бегло говорить на нескольких европейских языках; и в стране, которая гордится своей прямоотой и невзрачностью, он был известен своими обходительными, приятными, "иностранными" манерами. Пулетт Томсон стал, по сути, основательным светским человеком с четко определенными амбициями. Он оставил бизнес и занялся политикой как убежденный либерал и фритредер задолго до того, как свободная торговля стала национальной политикой Англии. Другим свидетельством отличия была его дружба с Бентамом, который лично помогал в агитации, когда Томсон баллотировался от Дувра. С 1830 года он был тесно связан с лидерами реформ. Он был другом Дарема, и они вместе работали над заключением торгового договора с Францией. Преемственность новой канадской политики была обеспечена личными консультациями с Даремом, прежде чем Томсон приступил к выполнению своей миссии. "Политика Пулетта Томсона основывалась на отчете Дарема, и большинство его планов в отношении Канады были разработаны под собственной крышей Дарема на Кливленд-роу".

LORD SYDENHAM

From an engraving by G. Browning in M'Gill University Library

Лорд Сайденхэм.

С гравюры Г. Браунинга

в библиотеке университета М'Джилл.

Бизнес, путешествия и политика в сочетании сформировали характер Пулетт Томсон. Его заслуженные титулы "барон Сайденхэм" и "Торонто", как правило, затушевывают тот факт, что

он, по сути, был представителем крупного среднего класса, гражданским лицом, которое никогда не носило шпаги или военной формы. Он олицетворял тот элемент английской жизни, который всегда обогащает Палату пэров за счет добавления выдающихся интеллектуалов, таких как Теннисон и Кельвин. У него было чувство юмора, качество, которого были лишены Хед и Дарем. Он забавлялся, когда ему не наскучивала помпезность, сопутствующая его должности. "Лично для меня худшая часть всего этого - церемониал", - пишет он. "Скука от всего этого невыразима. Представьте себе, что приходилось полтора часа стоять, кланяясь, а потом сидеть в треуголке, принимая обращения. "Лично Томсон был маленьким, хрупким, элегантным на вид, с необыкновенно красивым лицом. Он был одним из тех умных, приятных, правдоподобных, управляемых маленьких человечков, которые, кажется, всегда добиваются своего. Они очень ловки и не слишком щепетильны в отношении средств, которые используют для достижения своих целей. У них есть та абсолютная вера в себя, которую их друзья называют уверенностью в себе, а враги - тщеславием.

Томсон подошел к своей трудной задаче, преисполненный амбиций и веры в свою способность справиться с ней. Он в полной мере осознал сложность поставленной перед ним задачи и заслугу, которую получит, если решит ее. "По прошествии пятнадцати лет, - писал один из друзей, - теперь у вас есть прекрасная возможность уладить дела Канады на безопасной и прочной основе, обеспечить хорошее управление для народа и обеспечить достаточную власть короне". Он сам полностью осознавал это. "Это также *большое поле деятельности*, - отмечает он в своем личном дневнике, - если я смогу добиться объединения провинций и остаться на год, чтобы встретиться с объединенным собранием и заставить их работать"; и он противопоставляет возможность отличиться, предложенную канадским запутанным делом, скромным возможностям подчиненного положения в кабинете министров, которое стало бы его судьбой, останься он в Англии.

Новый генерал-губернатор прибыл в Квебек в Г.М.С. *Лике* 17 октября 1839 года, после бурного тридцатитрехдневного путешествия. Его первая задача в Канаде была такой же, как и у Дарема, — ознакомиться с реальными условиями, — и он с такой же энергией взялся за нее. Как и Дарему, ему умело помогали способные люди из его штаба, в частности Т. У. К. Мердок, его гражданский секретарь, и Джеймс Стюарт, главный судья Нижней Канады. С самого начала он завоевал доверие самых разных людей. Тон его заявлений, вежливость и такт публичных выступлений, его личное обаяние быстро сделали его популярным. Партия реформ пошла на примирение, потому что было известно, что он симпатизирует принципам доклада лорда Дарема, в то время как консерваторы были довольны его общепризнанной целью укрепления связей между колонией и метрополией. Нижняя Канада по-прежнему оставалась провинцией без конституции; но в ней должен был быть какой-то механизм управления. Временная форма регулярного правительства была обеспечена Законодательным советом из четырнадцати важных персон, назначенных сэром Джоном Колборном. Вскоре было получено их согласие с принципами союза. Теперь в провинции, казалось, было спокойно, и генерал-губернатор поспешил в Верхнюю Канаду. Его рассказ о путешествии из Монреаля в Кингстон — пересадках и остановках, разнообразии транспорта — ярко иллюстрирует трудности путешествий в те дни.

В Торонто Томсон столкнулся с совершенно иными условиями. Здесь действовала конституция и заседал законодательный орган; но какой законодательный орган! Разделенный на полдюжины небольших клик и фракций, он пытался работать без кабинета, без оппозиции, без партийной системы — идеальное положение вещей, к которому некоторые критики нынешних

условий хотели бы вернуться. Должностные лица, то есть члены правительства, заняли противоположные стороны в дебатах. Ассамблея представляла собой дом, разделенный сам на себя. Был широко распространен и настойчивый призыв к "ответственному правительству", но никто точно не знал, что под этим подразумевалось. Кто должен был быть "ответственным"? за что? и перед кем? Как было возможно сделать местное правительство "ответственным" перед жителями колонии, не низводя губернатора до номинального руководителя? Если бы его власть превратилась в тень, что стало бы с "прерогативой" и связями с Великобританией? Не было ли "ответственное правительство" просто прелюдией к абсолютному отделению колонии от метрополии? Затем возник вопрос о Резервах Духовенства, волновавший каждую колониальную грудь. Седьмая часть общественного достояния была выделена для поддержки привилегированной церкви: простой случай монополии и привилегий, говорили одни; мудрое положение для поддержания религии, говорили другие. И тень банкротства нависла над несчастной колонией. Ситуация была крайне сложной и требовала почти сверхчеловеческого сочетания способностей, такта и твердости. Здесь, как и в Нижней Канаде, первой попыткой генерал-губернатора было заручиться согласием народных представителей на значительные изменения в статусе провинции, которые повлекло бы за собой объединение. Он отстаивал свою точку зрения, встречаясь с мужчинами и обсуждая с ними проект — процесс обучения. Несмотря на некоторое противодействие по различным причинам, разумным и необоснованным, Ассамблея в конце концов согласилась со следующими условиями: во-первых, каждая провинция должна иметь равное количество представителей; во-вторых, должен быть предоставлен достаточный гражданский список; в-третьих, долг, понесенный Верхней Канадой за общественные работы, представляющие общий интерес, должен быть взят из доходов новой объединенной провинции. Эти условия нельзя было назвать идеальными, особенно в отношении Нижней Канады; но союз был единственной альтернативой благожелательному деспотизму или гражданской войне. В том, чтобы заставить законодательный орган Верхней Канады согласиться с этими условиями, Томсону оказала ценную помощь когорта умеренных реформаторов во главе с Болдуином и Хинксом.

Немаловажной частью задачи генерал-губернатора была кампания обучения АЗАМ ответственного управления. Этим элементарным идеям партийного правления, которые сейчас считаются аксиомами, пришлось мучительно обучать наших грубых предков-законодателей. То, что у правительства должен быть определенный глава в Ассамблее, который должен говорить от имени правительства, вводить и защищать его меры; что должностные лица правительства, кроме тех, кто занимает постоянные должности, должны сформировать один орган — министерство, — которое должно автоматически отказаться от должности и власти, когда оно больше не может иметь большинства в законодательном органе, были практически новыми и ни в коем случае не приветствуемыми идеями для законодателей старого времени Канады. Столь же новым был естественный вывод о том, что оппозиция также должна быть организована под руководством определенного лидера, который после победы над правительством должен был взять на себя ответственность за формирование кабинета министров. К сожалению, такая мера пресечения безрассудной критики была необходима. О процессе, с помощью которого Томсон достиг своих целей, даже его полная биография дает мало информации. Должно быть, происходили бесконечные совещания доморощенных, честных фермеров, таких как Уилсон, воспитанных людей, таких как Робинсон, блестящих юристов, таких как Салливан, простых солдат, таких как Макнаб, с маленьким, болезненным, понимающим губернатором с

блестящими глазами, очаровательными манерами и красноречием. От всего многообразия объяснений, обсуждений, инициаций осталось мало записей. Но работа была проделана, и результаты видны всему миру. Этому убедительному маленькому человеку удалось убедить законодателей Верхней Канады в том, что выход из их трудностей лежит не через разделение, а через объединение. Он убедил их изменить статус, который был возвращением к старому статусу, существовавшему до принятия Конституционного акта, а также прелюдией к тому более крупному союзу британских колоний в Северной Америке, которому было суждено охватить половину континента.

Добившись невероятного успеха в первой части своей миссии, Томсон обратил свое внимание на следующий неприятный вопрос. Это был вопрос о резервах духовенства. На эту тему было пролито много чернил и вызвано много тяжелых чувств; и это до сих пор вызывает немало злонамеренного сарказма. Весь этот вопрос может быть неправильно понят, и законодателей восемнадцатого века обвиняют в том, что они не обладали идеями, опередившими свое время на сто лет.

По условиям Конституционного акта 1791 года, седьмая часть государственных земель, которые впоследствии должны были быть предоставлены, были предназначены для "Поддержки и содержания протестантского духовенства". Это обеспечение было, по-видимому, заслугой самого короля, благочестивого, невзрачного "Фермера Джорджа"; и людям его склада ума никакое обеспечение не могло показаться более естественным или правильным. "Учреждение" было правилом с незапамятных времен. Англиканская церковь была "учреждена", то есть по закону обеспечена доходом в Англии, Уэльсе и Ирландии. "Кирка" аналогичным образом была "установлена" в Шотландии. В самой Британской Америке Римская церковь была "установлена" очень прочно в Нижней Канаде. Что может быть более естественным для протестантского монарха, чем позаботиться о "протестантском духовенстве" в британской колонии, заселенной британскими иммигрантами и приобретенной за счет такого пролития британской крови и британских сокровищ? И какой более простой способ можно было бы найти для обеспечения этого "духовенства", чем наделение его пустырями, которые ни с кого не облагались налогами и которые увеличивались бы в цене по мере заселения страны? По своей сути этот дар был признанием ценности христианской религии в сохранении государства. Но почти сразу возникли проблемы с толкованием терминов "протестант" и "духовенство". Разве Шотландская церковь не была "протестантской" так же, как и Англиканская? Разве различные виды "диссидентов" не были также самыми энергичными из "протестантов"? С другой стороны, был задан вопрос, не применялся ли термин "духовенство" исключительно к служителям Англиканской церкви? Это не могло быть применимо ни к каким религиозным учителям за пределами черты; те, кто за пределами черты, никогда и не мечтали применить это к себе. Естественно, другие деноминации пожелали разделить это самое щедрое пожертвование; и совершенно так же естественно, что Англиканская церковь желала придерживаться буквы закона и придерживаться того, что у нее было по закону. Некоторые экстремисты выступали против любых учреждений, считая, что церковь должна быть независима от государства. Пусть пожертвования будут использованы на такое крайне стесненное в средствах дело, как образование, и пусть служители всех конфессий зависят исключительно от христианской щедрости своего народа. Возможно, экстремисты были в самом тесном контакте с гением новой земли и новыми институтами, выросшими на ней. Простому человеку из поселения

первопроходцев казалось чем-то феодальным, чем-то несправедливым в создании привилегированной церкви за счет всех других церквей. Жизнь первопроходцев возвращает людей к первобытным реалиям. Для поселенца в бревенчатой хижине внешние признаки религии склонны блекнуть до тех пор, пока все церкви не станут казаться почти одинаковыми: ставить одну из них выше всех остальных кажется ему настолько несправедливым, что не допускает никаких аргументов в ее пользу. Кроме того, у него была вполне реальная претензия: зарезервированные незанятые земли мешали его благосостоянию; они вставали между фермами, увеличивали налоги и препятствовали прокладке необходимых дорог. Как ему было добираться до рынка? за припасами? Сегодня мало кто будет выступать за государственную церковь; но в двадцатые и тридцатые годы прошлого века этого не было. Битва бушевала громко и долго; и памфлетист дрался с памфлетистом в бесконечной многословной войне.

К 1817 году недовольство стало громким; и когда этот любознательный агитатор Роберт Гурли спросил фермеров Верхней Канады, что мешает поселению, он получил ответ — Резервы духовенства. Два года спустя Ассамблея потребовала вернуть арендованные земли и доход, полученный от них. До этого времени годовой доход не превышал 700 фунтов стерлингов. В том же 1819 году приход "Кирк" Ниагары подал заявку на получение гранта в размере 100 фунтов стерлингов, и судебные приставы короны поддержали это требование. Это решение взбудоражило англиканцев. Они объединились в корпорацию в каждой провинции для надзора за управлением резервами духовенства. Право собственности на эти земли должно было быть получено, если оно вообще было получено, путем создания отдельных приходских домов, как это было предусмотрено в первоначальном законе. Почему руководящие умы среди англиканцев не приняли этот простой метод получения, по крайней мере, большей части спорной земли, остается загадкой. Очевидно, они придерживались политики "все или ничего". Только в 1836 году, незадолго до начала восстаний, когда политические настроения были на пределе, сэр Джон Колборн по просьбе епископа Стрейкена подписал патенты на строительство сорока четырех приходов в Верхней Канаде. Общая площадь земли, отведенной для этой цели, составляла семнадцать тысяч акров. "Это, - заявил лорд Дарем, - расценивается всеми другими религиозными учителями в стране как то, что они сразу же оказались в положении, юридически неполноценном по отношению к духовенству Англиканской церкви; и это вызвало самое горячее возмущение. По мнению многих людей, это было главной предрасполагающей причиной недавнего восстания, и это постоянная и неослабевающая причина недовольства".

Способ, которым Томсон справился с этой причиной недовольства, не избавил от нее навсегда, но, по крайней мере, обеспечил смягчение наказания. С уважением делового человека к собственности и корыстным интересам он был против отвлечения гранта от его первоначальной цели на поддержку образования. Он использовал свою силу убеждения на "ведущих лицах основных религиозных общин". После "многих бесед" он заручился поддержкой религиозных общин в отношении подготовленной им меры. По условиям этого законопроекта оставшаяся часть зарезервированной земли должна была быть продана, а вырученные средства должны были сформировать фонд, доход от которого должен ежегодно распределяться между Англиканской церковью, Церковью Шотландии и другими определенными религиозными организациями "пропорционально их соответствующей численности". Эта мера на самом деле не была приемлема для реформаторов, которые хотели, чтобы земля использовалась в целях образования; она была неприятна людям из Кирка; она была желчью и полынью для крайних англиканцев, таких как епископ Стрейкен. Тем не менее, личное влияние дипломатического,

волевого маленького человечка довело дело до конца; и хотя сам Акт был запрещен имперским правительством на веских основаниях как превышающий полномочия законодательного собрания провинции, тем не менее имперский парламент принял Акт точно такого же действия. Томсон наложил пластырь на рану.

Его общий взгляд на политические условия изложен в частном письме своему начальнику, лорду Джону Расселу. Картина, которую он рисует, живая, нелестная, но поучительная. "Я удовлетворен тем, что масса людей разумна, умеренна в своих требованиях и привязана к британским институтам; но они были угнетены жалкой маленькой олигархией, с одной стороны, и возбуждены несколькими фракционными демагогами - с другой. Я уверен, что я могу создать реформаторскую партию среднего звена, которая свергнет и тех, и других". История семидесяти пяти лет и двух войн показывает привязанность канадцев к британским институтам и то, насколько справедливо генерал-губернатор оценивал "народные массы". Не менее ясно он судил политиков того времени, их мелочность, их наивный эгоизм, их пренебрежение правилами и формой, шокирующие все инстинкты британского делового человека и опытную парламентскую руку. "Вы не можете составить ни малейшего представления, - продолжает он, - о том, как колониальный парламент ведет свои дела. Я навел в них сравнительный порядок и благопристойность, приняв меры, предложенные правительством, которые хорошо и неуклонно прорабатывались. Но когда они перешли к своим собственным делам, и, прежде всего, к денежным вопросам, произошла сцена неразберихи и буйства, о которых никто в Англии не может иметь ни малейшего представления. Каждый человек предлагает проголосовать за свою работу; а законопроекты вносятся без предварительного уведомления и проходят все стадии за четверть часа! Одним из величайших преимуществ Союза будет то, что появится возможность ввести новую законодательную систему и, прежде всего, ограничение на инициирование голосования за деньги. Без последнего я бы и фартинга не дал за свой законопроект: и это изменение было бы определенно популярным, поскольку все депутаты жалуются, что при нынешней системе они не могут отказать в переводе на работу любому избирателю, который этого желает". Современные канадцы должны без дрожи вслушиваться в эти слова.

Когда сессия закончилась, Томсон вернулся в Монреаль, собрал свой Специальный Совет и приступил к работе в роли великодушного деспота, проводя множество столь необходимых реформ. Колеса правительства были определенно заблокированы расовой ненавистью; действие конституции все еще было приостановлено. "Правительственного механизма определенно нет", - написал Томсон в частном письме. "Все должно делаться губернатором и его секретарем". Доступных глав департаментов не было. Когда появлялась вакансия, для ее заполнения обычно назначали двух человек, одного француза, а другого англичанина. Были совместные шерифы и совместные королевские инспекторы, которые работали друг против друга. Умело поддерживаемый главным судьей Стюартом, энергичный губернатор преуспел в реформировании процедуры высших судебных инстанций и в создании окружных судов по образцу Верхней Канады. Всего было принято двадцать одно постановление, имевшее силу закона. По мнению Томсона, они были необходимы для создания Союза. Он не питал иллюзий относительно своих методов. "Ничто, кроме деспотизма, не смогло бы их победить. Палата собрания, одноместная или двухместная, потратила бы на это десять лет", - пишет он совершенно искренне.

Затем его внимание привлекли Приморские провинции, поскольку они входили в сферу его полномочий. В Новой Шотландии также шла борьба за ответственное правительство, но с

разительными отличиями. Главный герой движения, Хоу, был полной противоположностью сепаратиста. Он был страстно привязан к Британии и британским институтам и думал не о своей маленькой провинции, а об Империи. Превосходя всех других политиков своего времени по врожденной мощи и широте взглядов, он преуспел в решении проблемы ответственного правительства чисто конституционными методами, без каких-либо симптомов восстания, потери одной жизни или какого-либо *бога из машины*, диктатора или умиротворителя из-за морей. Хоу действительно был способен обучать государственных деятелей истинным принципам демократического правления, о чем свидетельствуют его знаменитые письма лорду Джону Расселу. Достижение Хоу следует сравнить с провалом Маккензи и Папино, если мы хотим, чтобы проявилось его истинное величие. Когда Томсон и он встретились, они обнаружили, что они едины в принципе и в отношении мер, необходимых для проведения желаемых реформ. Тот июль 1840 года был очень напряженным для генерал-губернатора. Девятого числа он добрался до Галифакса, а двадцать восьмого уехал в Квебек. За это время он встретился со многими людьми, обсудил множество мер, правильно оценил ситуацию, составил четкий меморандум об этом и совершил срочный визит в Сент-Джон и Фредериктон. Он нашел Нью-Брансуик счастливым и довольным, настоящим оазисом мира в воющей пустыне колониальной политики. Его политика заключалась в том, чтобы лично познакомиться с каждой частью своего правительства и увидеть это своими глазами. На обратном пути в Монреаль из Квебека он сделал крюк через Восточные города. Повсюду он увеличивал свою и без того огромную популярность.

Помимо его естественного и похвального желания узнать все собственными глазами и ушами, эти туры были продиктованы разумной политикой. Генерал-губернатор был его собственным министром, приближающиеся выборы были его избранием, Профсоюз был его мерилом; таким образом, его публичные выступления, речи, ответы на обращения, личные интервью носили характер предвыборного турне современного политического лидера с целью повлиять на общественное мнение, что было законной частью его кампании. После поездки по восточным городкам он тщательно осмотрел западную провинцию, обойдя ее по воде, и чуть не потерпел крушение на озере Эри и снова на озере Гурон, где обнаружил, что внутреннее пресноводное море может быть таким же бурным, как Бискайский залив. В других местах осенняя погода в Канаде была восхитительной. Его пошатнувшееся здоровье улучшилось. Его турне было триумфальным прогрессом. "Все партии, - пишет он, - объединяются в выступлениях повсюду, полные доверия к моему правительству и решимости забыть свои прежние споры. Он добавляет небольшой рисунок ручкой, который показывает, что канадский первопроходец обладал талантом импровизировать, который его потомки утратили. "Эскорт из двухсот или трехсот фермеров верхом на лошадях в каждом месте, от поселка к поселку, со всем прочим - оружием, музыкой и флагами". Губернатор много ездил верхом сам, беря с собой верховых лошадей и карету. Эти музыкальные кавалькады с ружейной стрельбой и развевающимися флагами из городка в городок в приятную осеннюю погоду 1840 года оживляют фон политической борьбы. "Что еще более важно, - продолжает проникательный и деловой маленький человек, - мои кандидаты везде выбраны для участия в следующих выборах". Этот западный тур оказал важное влияние на общественное мнение в Торонто, на какое-то время приведя группы *divers* к чему-то вроде гармонии. Сам Томсон был искренне доволен тем, что он увидел на этом богатом полуострове в форме сердца, лежащем за рвом трех внутренних морей, с плавными названиями Гурон, Эри, Онтарио. Он пишет в оправданных превосходных степенях. "Вы не можете представить себе ничего прекраснее. Самая великолепная почва в мире — четыре фута

растительной плесени — климат, безусловно, лучший в Северной Америке — большая часть ее превосходно орошена. Одним словом, здесь достаточно земли и возможностей для нескольких миллионов человек и для одной из лучших провинций в мире ". Спустя полвека с момента написания статьи видение губернатора было реализовано, и Онтарио стал "главной провинцией" Доминиона.

В тот напряженный июль, который губернатор провел в Приморских провинциях, вступил в силу Акт об объединении, принятый имперским парламентом. Две провинции были провозглашены единой провинцией с единым законодательным органом. Необходимо было назначить нового губернатора новой провинции, и, чтобы отметить важность его достижения, Чарльзу Пулетту Томсону было присвоено звание пэра, барона Сиденхэма из Сиденхэма в графстве Кент и Торонто в Канаде. Одним из преимуществ монархии является ее способность блестяще вознаграждать службу государству. Сайденхэм был вполне заслужен, но ему не суждено было наслаждаться ею долго. Его деятельность никоим образом не ослабевала. Существенной частью схемы объединения, как он ее видел, было местное самоуправление. Страна должна была быть разделена на небольшие самоуправляющиеся единицы — муниципалитеты, которые сами облагали налогом свои собственные необходимые расходы и контролировали полученные таким образом доходы. Сейчас это такая знакомая идея, институт, который работает так хорошо, что трудно представить, что в Канаде когда-либо его не было. Еще труднее понять, почему имперский парламент так решительно воспротивился этой идее, что такой продвинутый либерал, как лорд Джон Рассел, был вынужден исключить ее из Акта о союзе. Но Сайденхэму было нелегко воспротивиться. Находясь на месте и видя настоятельную необходимость в таком учреждении, он созвал свой замечательный Специальный Совет на последнее заседание. Вместе они организовали муниципальную систему, которая в измененном виде все еще функционирует в Квебеке. После Объединения система была распространена на Онтарио, к большому преимуществу этой провинции. Канадцы так основательно привыкли сами управлять своими делами, что не осознают, какими привилегиями они обладают в своей муниципальной системе и насколько Великобритания тогда отставала.

Еще одной важной мерой, принятой истекающим сроком полномочий Специальным советом, стал Закон о регистрации. Для местного жителя продажа, закладывание и передача собственности были частным делом; он не видел необходимости в огласке. Таким образом, привычка к тайной передаче земли была почти французской привычкой. Та же привычка преобладала среди жителей Акадии, и английским губернаторам пришлось бороться с ней. Попытка поставить передачу земли на коммерческую основу была расценена как коварная атака на национальный обычай. И снова великодушному деспоту удалось провести столь необходимую реформу. "Ослиный мост", как он его называет, был непроходим в течение двадцати лет. Теперь, когда она была пересечена, подвиг встретил "почти всеобщее одобрение французского и английского языков". На последней сессии этого чрезвычайного законодательного органа было издано около тридцати других указов, направленных на установление порядка и общее благо. Один из них определил место столицы. После долгих дебатов о конкурирующих претензиях Квебека, Монреаля, Торонто, Байтауна и Кингстона было решено, что город с башнями Мартелло, охраняющими ворота на Тысячу островов, с его воспоминаниями о Фронтенаке и войне 1812 года, должен стать столицей новой объединенной провинции. И это было так. В тихом университетском городке, где стоит памятник королеве Грант — *si monumentum requiris, circumspice*, — до сих пор сохранилось почетное звание времен вице-королевского правления.

Затем состоялись первые выборы в новую Ассамблею объединенной провинции, возможно, самые важные в истории Канады. Нижняя Канада была категорически против всей этой схемы. Избрать члена Профсоюза означало, по словам Квебекского комитета, "подставить шею под ярмо, которое на нас пытаются надеть". Французы были организованы в сплоченную фалангу оппозиции. В западной провинции оппозиция Тори и оранжистов была одинаково яростна по отношению к мерам, которые, как считалось, были в пользу французов. Выборы 1841 года прошли в плохих старомодных условиях беспорядков и кровопролития, особенно в центральных районах, Монреале и Торонто. Ни одна из сторон не была свободна от вины за нерегулярные методы. Конечно, правительство не было щепетильным в средствах, которые оно использовало для обеспечения возвращения кандидатов от профсоюзов. Результаты стали известны в начале апреля. Они были следующими: от правительства - двадцать четыре члена; от французов - двадцать; от умеренных реформаторов - двадцать; от ультрареформаторов - пять; от Компактной партии - пять; от сомнительных - семь. Проклятие мелких фракций не было снято, и механизм двухпартийного правительства действительно не был установлен, поскольку несколько из этих групп вполне могли объединиться для голосования против правительственных мер, не имея достаточной сплоченности между собой, чтобы сформировать министерство и взять на себя контроль.

Сессия открылась в Кингстоне 14 июня 1841 года. Больница была превращена в здание парламента, ряд складских помещений был отведен под правительственные учреждения, а прекрасный старый каменный особняк на берегу моря, известный как "Алвингтон", стал резиденцией генерал-губернатора. То последнее лето его жизни было наполнено тяжелым трудом и тревогами, но увенчалось триумфом. Действуя в качестве своего собственного министра, он должен был протолкнуть через хаотичный и фракционный законодательный орган дальновидные меры, имеющие жизненно важное значение для страны; он должен был примирить разногласия, сгладить оппозицию, продолжить свою образовательную кампанию в парламентской процедуре. В дополнение к насущной проблеме преобразования Канады в единую провинцию, Сиденхэм столкнулся с серьезными дипломатическими трудностями, возникшими из-за споров относительно границы штата Мэн. Эта трудность была урегулирована в 1842 году Эшбертонским договором, который окончательно разграничил границы. Напряжение, выпавшее на долю генерал-губернатора, было серьезным, и его здоровье, никогда не отличавшееся крепостью, пошатнулось; но хрупкое тело поддерживалось неукротимым духом этого человека и сознанием того, что он одерживает долгожданную и сомнительную победу. Его успех был очевиден другим людям по ту сторону моря. Его начальник, лорд Джон Рассел, прислал ему благодарственные письма и добился для него желанной награды - Большого креста ордена Бата. Чувствуя, что его миссия выполнена, он подал заявление об отставке и начал готовиться к возвращению в Англию. Звук, который он страстно желал услышать, был грохотом пушек квебекской цитадели в последнем салюте уходящему проконсулу. Он должен был добиться освобождения другим способом.

Некоторое представление о трудностях Сайденхэма может составить рассмотрение инцидента с Болдуином, как его называли. Непосредственно перед открытием сессии была предпринята попытка объединить умеренных реформаторов Верхней Канады и "солидную" франко-канадскую партию Нижней Канады в компактную парламентскую фалангу из сорока человек, которая, конечно же, взяла бы на себя руководство Палатой представителей. К Болдуину умело подходили и играли на нем, пока он не поддержал эту интригу. Продолжение лучше всего рассказать собственными словами Сиденхэма.

Руководствуясь неким принципом поведения, который я не могу согласовать ни с честью, ни со здравым смыслом, он стремился к этому Союзу и, наконец, добившись, как он думал, успеха, хладнокровно предложил мне за день до заседания парламента полностью распустить правительство, уволить нескольких своих коллег и заменить их людьми, которых, я полагаю, он не знал двадцать четыре часа, но которые в большинстве своем хорошо известны в Нижней Канаде (не возвращаясь к более мрачным временам) как главные противники любых мер по улучшению положения в этой провинции, принятых мной, и как там самые непримиримые враги всего моего руководства делами.

Я был осведомлен о действиях этого Джентльмена в течение двух или трех дней и, конечно, с трудом мог заставить себя терпеть их, но в моем большом стремлении избежать, по возможности, каких-либо беспорядков я откладывал принятие каких-либо мер. Однако, получив от него это экстраординарное требование, я сразу же отнесся к нему, в сочетании с его предыдущим поведением, как к отставке с занимаемой должности и сообщил ему, что принимаю ее без малейшего сожаления.

В личной честности Болдуина сомневаться не приходилось, но честного человека использовали как инструмент. Если бы интрига удалась, все усилия Сайденхэма были бы потеряны, Профсоюз потерпел бы крах при запуске, а страна снова погрузилась бы в хаос. К счастью, интрига провалилась. Болдуин перешел на сторону оппозиции, но ему не удалось подтолкнуть реформаторов Верхней Канады к отмене правительственных мер, таких как расширение основных автомагистралей, реформа законов о ростовщичестве, создание всеобъемлющей муниципальной системы. Они последовали более основательному руководству Хинкса и поддержали Сайденхэма в его мудрых усилиях по продвижению блага страны.

Вся сессия представляла собой череду кризисов. Сайденхэм остался верен главному принципу демократического правления, согласно которому править должно большинство.

Парламентская процедура, в том виде, в каком она применяется в Англии, была чем-то новым в Канаде. В Великобритании правительство не всегда уходит в отставку, потерпев поражение при голосовании, и оппозиция не побеждает правительство, когда у нее нет полномочий сформировать альтернативное правительство. Единственной последовательной оппозицией была группа французских канадцев Нильсона, и их политика была чистой воды обструкцией и их целью было еще раз разделить две провинции. Объединив фракции, иногда можно было победить правительство, но для правительства бросить бразды правления, когда с другой стороны нет никого, способного их взять, было бы безумием. Ситуация требовала осторожного хождения и тончайшего балансирования, но Сайденхэм был готов к этому. Позже на сессии, когда члены комиссии усвоили свой урок, генерал-губернатор подтвердил свою позицию в серии резолюций, внесенных Харрисоном, главой правительства. В них он утверждал: во-первых, свое положение представителя монарха и, как таковой, ответственного только перед имперской властью; во-вторых, администрация должна пользоваться доверием

представителей народа; и в-третьих, что администрация должна действовать в соответствии с хорошо понятыми желаниями и интересами народа. Другими словами, он заявил, что выступает за связь с Великобританией плюс правление большинства.

Критики сочли первую сессию нового парламента Канады сессией, на которой "ничего не делают, кроме разговоров". В течение первых нескольких недель действительно был поток различного рода красноречия, пока различные стороны не установили надлежащие отношения и не началась серьезная законодательная работа. Конструктивные меры первостепенной важности со временем стали законом. Собственные слова Сайденхэма подводят итог его достижениям. "С самым трудным началом, почти в меньшинстве, с кипящими страстями и предрассудками, с которыми мне никогда не приходилось бороться, я постепенно привел Ассамблею в идеальный порядок, готовый следовать за мной, куда бы я ни повел; осуществил все мои меры, избежал или отбил все спорные темы и получил министерство с общепризнанным большинством, способное делать то, что они считают правильным, и не быть расстроенным моим преемником. Теперь я выполнил все, чему придавал большое значение; ибо будет ли остальное сделано сейчас или через несколько сеансов, не имеет большого значения. Пять великих дел, к которым я стремился, были завершены: создание совета по строительству с широкими полномочиями; прием иностранцев; регулирование государственных земель, переданных короной в соответствии с Законом о союзе; и, наконец, этот законопроект окружного совета. "Финансовые трудности провинции были преодолены за счет гарантированного имперского займа, и был достигнут прогресс в устранении зла иммиграции бедняков. Не часто конструктивный государственный деятель доживает до того, чтобы увидеть, как его труды столь щедро вознаграждаются успехом.

Затем наступил конец. Споткнувшаяся лошадь Сайденхэма, когда он взбирался на холм недалеко от "Элвингтона", сбросила его на землю и сломала правую ногу. Его телосложение, никогда не отличавшееся крепостью, было ослаблено болезнями, беспощадной работой и непрерывными тревогами. Кости не срастались, рваная рана не заживала, и, наконец, срослась челюсть. Для него было невозможно выздороветь. Никто не ожидает героизма от хрупкого светского человека, но последние мысли Сайденхэма были о государстве, которому он так хорошо служил. В агонии от столбняка он сочинил речь, которой надеялся завершить сессию. Последними словами умирающего губернатора были молитвы за Канаду. "Пусть Всемогущий Бог благословит ваши труды и изольет на эту провинцию все те благословения, которыми я в глубине души желаю ей наслаждаться".

Несчастный случай с ним произошел четвертого сентября: он не мог избавиться от своих страданий до девятнадцатого. пышные похороны свидетельствовали о всеобщем сожалении. Собор Святого Георгия в Кингстоне, где покоятся его кости, должен быть одним из самых возвышенных мест страны, святыней вдвойне, поскольку это могила того, кто сыграл немалую роль в создании Канады.

ГЛАВА III

РЕФОРМА В СЕДЛЕ

На Парламентском холме в Оттаве стоит памятник из бронзы и мрамора. Он изображает двух мужчин, стоящих в тесной беседе; и, несмотря на унылый и неуместный эффект современных пиджаков и брюк, памятник является художественным успехом, достойным благородного возвышения, на котором он возвышается над широкой рекой и смотрит на далекие холмы. Он создан в память о Лафонтене, человеке французской крови, и Болдуине, человеке английской крови, которые вместе работали лидерами в первом парламенте объединенной Канады. То, что они так дружно трудились на благо своей общей страны, заслуживает увековечения в прочной бронзе; ибо, к счастью, с тех пор англичане и французы трудились бок о бок и соперничали в братских усилиях, направленных к одной и той же славной цели.

Лафонтен и Болдуин - типичные канадские политики нового порядка. Они руководили правительством в современных условиях. Работа Сайденхэма была выполнена раз и навсегда. Несмотря на невежество, ошибки и кое-что похуже, парламентарии действительно усвоили уроки процедуры, которым он так ловко их научил, и теперь они перешли к обычной игре в Плюсы и минусы в соответствии с установленными и общепринятыми правилами. Непримиимые постепенно приручались, как дикие животные, — сначала голодом, а затем тем, что их кормили достаточным количеством хлеба и рыбы. Власть, офис, хорошие постоянные должности, жирные зарплаты оказались сильными успокоительными средствами от дрожащих стремлений к расплывчатым политическим идеалам. Все еще предстояли серьезные трудности, кризисы, реакции на старый порядок вещей; но кардинальный принцип народного правления был, наконец, принят и с 1841 года непрерывно действовал как неотъемлемая часть конституции.

Если бы канадским политикам, говоря словами "Краткого Катехизиса", была предоставлена свобода их собственной воли, трудно понять, как они могли бы когда-либо добиться объединения враждующих провинций или установить принципы народного правления. Непонятно, как полдюжины непримиримых маленьких фракций могли объединиться, чтобы помешать угрюмой решимости франко-канадской партии Джона Нильсона разрушить Союз. Была острая необходимость во вмешательстве настоящего государственного деятеля извне, который, не ослепленный местными предрассудками и страстями, мог бы встать над всеми партиями и, руководствуясь благожелательным деспотизмом, повести их к согласованным действиям для их собственного блага и блага страны. Столь же настоятельной была потребность в информации и инструктаже. Иногда канадцы склонны описывать историю становления нации так, как будто вся эта великолепная ткань была делом их собственных рук, как будто "наша собственная рука принесла нам спасение". Это явная ошибка. Без Дарема, который диагностировал болезнь, и Сайденхэма, который применял лекарство, состояние политического организма, должно быть, было неизлечимо. По крайней мере, никакие другие

врачи не могли помочь. Теперь это был вопрос лечения и тщательного ухода, и, получив инструкции, мы были способны следовать указаниям врача.

Лидеры Реформ были очень непохожи друг на друга по характеру и прошлому. Роберт Болдуин был сыном Уильяма Уоррена Болдуина, чей отец (также Роберт Болдуин) принадлежал к более скромному классу землевладельцев в Ирландии. Соблазненный, как и многие другие представители его класса, приманкой дешевой земли, он приехал в Канаду "заниматься фермерством". Его сын Уильям изучал медицину в Эдинбурге, стал врачом и, обладая ирландской способностью к адаптации, вскоре сменил медицину на более прибыльное занятие юриспруденцией. Внук Роберта родился в Йорке (ныне Торонто) в 1804 году. Он стал одним из учеников "Джонни" Стрейкена в начальной школе, со временем добившись звания "старосты"; после чего он изучал юриспруденцию по старой, неторопливой системе, состоящей из штатных клерков, и, наконец, стал партнером своего отца. Удачное наследство позволило его отцу купить большое поместье за пределами "мадди Йорка", на котором, в соответствии с наследственным землевладельческим инстинктом, он попытался основать свою семью на манер старого света. Широкая улица в Торонто сохранила название амбиций Болдуина "Спадина".

Как и его отец, Роберт Болдуин был умеренным реформатором. Он начал общественную жизнь (1829) в своем родном городе в качестве составителя петиции Георгу IV по так называемому делу Уиллиса. В том же году он был избран в Ассамблею от Йорка. Отстраненный по техническим причинам, он был сразу же переизбран и занял свое место в Палате представителей на следующий год. Однако на новых выборах, последовавших за кончиной Георга IV в 1830 году, когда Палата представителей была распущена, Болдуин потерпел поражение. Недавно он вступил в партнерские отношения с братом своей жены, который также приходился ему двоюродным братом, Робертом Болдуином Салливаном, красивым ирландцем с большим налетом ирландского блеска. Салливан сыграл немалую роль в политике того времени. Он автор самого остроумного памфлета, когда-либо созданного канадской партийной борьбой.

Другим молодым ирландцем, с которым Болдуин стал тесно связан, был Фрэнсис Хинкс, который также оставил свой след в истории Канады. Сын пресвитерианского священника, он получил хорошее общее образование, а также основательную и обширную бизнес-подготовку в Белфасте. Приехав в Торонто через Вест-Индию, он заинтересовался различными местными деловыми кругами и быстро доказал свои выдающиеся способности во всех вопросах торговли и финансов. Помимо того, что Хинкс был управляющим банком и секретарем страховой компании, он занимался в своем доме на Йонг-стрит, по соседству с домом Роберта Болдуина (номер 21), складским бизнесом общего назначения; и, как будто эти предприятия не давали достаточного простора его энергии, он выпустил еженедельную газету "*Экзаменатор*" в интересах Реформы. Успешный бизнесмен вскоре стал экспертом в области финансов, к которому все взгляды обратились в затруднительном положении. В 1833 году он был назначен одним из инспекторов счетов канала Уэлланд в ходе парламентского расследования, настолько быстро он вышел на первый план. Несмотря на большую разницу в темпераментах, он и Болдуин были согласны во взглядах на политические реформы, встав на сторону умеренных в противовес экстремистской фракции Маккензи. Когда в 1836 году было организовано Общество конституционной реформы Верхней Канады с Уильямом Уорреном Болдуином в качестве президента, Хин стал секретарем. Главными целями этого общества были обеспечение "ответственных советников губернатора" и упразднение сорока четырех приходских домов,

учрежденных сэром Джоном Колборном в соответствии с хорошо известными положениями Конституционного акта. Успех любой организации часто зависит от одного человека, секретаря, и в этом качестве Хин продемонстрировал свои незаурядные способности и необычайную энергию.

Эти два человека, Роберт Болдуин, с его высокими принципами и твердым характером, и Фрэнсис Хинкс, с его талантом вести дела, являются фигурами первостепенной важности на этом критическом этапе эксперимента под названием "ответственное правительство".

Но новая провинция Канада, как союз французского и английского населения, естественным образом потребовала объединения руководства. Франко-канадским политиком, который в своей собственной провинции представлял Умеренные реформы, был Луи Ипполит Лафонтен. Его дед был членом старой Ассамблеи Нижней Канады; его отец был фермером в Бушервиле в Чамбли, где Луи Ипполит родился в 1804 году. Получив образование в монреальском колледже, он впоследствии изучал юриспруденцию и начал практиковать в этом городе. В 1830 году он был избран депутатом от Терребона и вскоре проявил себя в Палате представителей как убежденный последователь Папино и агитатор за радикальные перемены. Но когда реформа перешла в восстание и обращение к вооруженной силе, он попытался отговорить своих соотечественников от их безумного предприятия, а также обратился к губернатору, лорду Госфорду, с предложением собрать парламент, чтобы предотвратить дальнейшее насилие. Затем он отправился в Англию по неясным мотивам. Опасаясь ареста в этой стране за участие в предвыборной агитации, он бежал во Францию. На самом деле он вернулся в Канаду только в мае 1838 года, когда попал в широко распространенную сеть арестов и провел несколько болезненных и возмущенных месяцев в монреальской тюрьме, требуя освобождения, но тщетно. Лишение свободы за политическое преступление - редкое событие в карьере верховного судьи и английского баронета, каким этот заключенный должен был стать позже. Арестованный по подозрению, он был освобожден без суда. После трагического крушения экстремистов Лафонтен стал надеждой умеренных людей среди франко-канадских политиков. Как и большинство его соотечественников, он был категорически против объединения Канады, как угрожающего исчезновению его национальности; но, не видя возможной альтернативы объединению, он сделал своей неизменной политикой завоевание конституционными методами всего, что можно было завоевать для своего народа. Внешне он был поразительно похож на первого Наполеона, и это сходство заметили старые солдаты, когда он посетил Отель инвалидов в Париже. Современная карикатура, изображающая его, швыряющего деньги жителям, демонстрирует сходство, даже в пряди волос на лбу, более отчетливо, чем его портрет. Несколько лет его руководства в парламенте, хотя и имели большое значение для страны, были лишь эпизодом в более крупной юридической карьере.

На выборах 1841 года Лафонтен потерпел поражение; говорят, незаконными методами. Болдуина вернули в два избирательных округа, Йорк и Гастингс, а Хинкса - в Оксфорд, на основании его статей в *Examiner*. Как ни горько был разочарован Лафонтен своим поражением и средствами, с помощью которых оно было достигнуто, он не видел никакой надежды на исправление, кроме как конституционными средствами. В настоящее время он мог только гневно протестовать против несправедливости. Однако вскоре его исключили из Палаты представителей. Благодаря добрым услугам Болдуина он был избран в четвертый райдинг Йорка - акт вежливости и здравого смысла, который не должен был лишиться своей награды.

Таково было положение дел, когда Сайденхэм умер.

SIR CHARLES BAGOT

From an engraving in the Dominion Archives

Сэр Чарльз Багот.

С гравюры из архива Доминиона.

Следующим генерал-губернатором Канады стал сэр Чарльз Бэгот, кандидат от консерваторов в нынешнем правительстве Великобритании. Знакомый портрет Багота с полными знаками отличия ордена Банипоказывает нам красивое, породистое лицо типичного английского джентльмена. Хотя королева Виктория сомневалась в его способностях занять этот пост, ее недоверие было необоснованным. Багот был человеком с большим опытом и спокойной мудростью. Он обладал уравновешенностью и настоящей добротой сердца, а также настоящей учтивостью; но, похоже, он также был слишком чувствителен к критике и противодействию. Он прибыл в Кингстон, резиденцию своего правительства, в январе 1842 года. Поездки в различные центры Канады, в соответствии с практикой его предшественников, вскоре дали ему понимание общественного мнения и настроений; и, хотя крайние консерваторы ожидали, что он вернет старые, безмятежные, *довоенные* времена, он был очень осторожен, следуя линии политики Сайденхэма. По отношению к французам он был дружелюбен и примирителен и несколько раз назначал франко-канадцев на ответственные должности. Французы, всегда готовые пойти навстречу вежливости, оказали своему новому губернатору все свое доверие.

В течение восьми месяцев, оставшихся до повторного созыва парламента, Багот мудро приступил к самостоятельному изучению реальных условий работы своего нового правительства. Как и Сайденхэм, он должен был действовать в качестве своего собственного премьер-министра, и его первоначальная трудность заключалась в формировании подходящего кабинета, который действовал бы вместе с ним. Он предложил Хинксу должность генерального инспектора, фактически соответствующую министру финансов, и Хин принял ее. Он предложил должность генерального солиситора Ричарду Картрайту (дедушке сэра Ричарда Картрайта более позднего времени), который отказался от нее, потому что Хин был членом Кабинета министров. В конце концов эту должность занял Генри Шервуд, который, как и Картрайт, был консерватором. Лафонтену губернатор предложил должность генерального прокурора в самых вежливых выражениях, но по ряду причин Лафонтен отказался ее принять. План Багота состоял в том, чтобы сформировать коалиционное правительство, которое должно было охватить все интересы; но реформаторы отказались занять свое место в кабинете, в который входили представители противоположной партии. Таким образом, Уильям Генри Дрейпер, действовавший при Сайденхэме, продолжал возглавлять сводный кабинет при Баготе.

Палата представителей собралась в Кингстоне 8 сентября 1842 года. В игре "За и против" дебаты по Обращению признаются пробой сил, методом выяснения, какая сторона имеет большинство. Было обнаружено, что правительство Дрейпера не пользуется доверием Палаты представителей; и после энергичной борьбы Дрейпер подал в отставку и уступил место новому министерству, возглавляемому Лафонтеном и Болдуином. Задействованный принцип, который сейчас кажется элементарным здравым смыслом, тогда был объявлен правительством "с помощью ничтожного большинства". Салливан был старшим членом нового министерства, хотя оно известно по именам своих лидеров. В него входили Хин и пять других членов предыдущего кабинета министров.

В соответствии с другим правилом политической игры новые министры должны были добиваться переизбрания. Лафонтен был мирно возвращен в свой "карманный городок",

четвертый округ Йорка, но кандидатура Болдуина в Гастингсе имела другую проблему. В те старые добрые времена открытого голосования выборы не были таким рутинным делом, как зайти в кабинку и поставить крестик на листе бумаги напротив имени. Выборы длились дни или даже недели. В округе был только один избирательный участок, и выборы редко проводились без предвыборного скандала. Кажется невероятным, что это из Канады, где говорится: "Несколько человек из трущоб, не имеющих права голоса, были наняты партией мистера Болдуина для организации беспорядков. Они сделали это и жестоко обращались со сторонниками мистера Мерни. Последние, однако, сплотились и прогнали своих подлых нападавших с поля. Две роты 23-го полка были отправлены из Кингстона для поддержания мира, и голосование было самым несправедливым образом прекращено на один день. "Свободные драки между группами соперничающих избирателей, вооруженных дубинками, мечами и огнестрельным оружием, травмы, от которых люди, как ожидалось, не оправятся, порядок, восстановленный вмешательством военных, — в этом не было ничего необычного на старых канадских выборах. Состязание в Гастингсе было именно таким, и Болдуин потерпел поражение. Он баллотировался на выборах во втором округе Йорка и снова потерпел поражение. Наконец, Лафонтен сделал для него то, что он сделал для Лафонтена. Французский депутат от Римовски сложил свое кресло, и Болдуин был возвращен на него в январе 1843 года. Французский и английский лидеры, таким образом, безошибочно доказали свое искреннее желание дружить и работать вместе на общее благо. Наконец-то было обнаружено, что французский и английский языки работают в гармонии, бок о бок. Они сформировали первое колониальное министерство по утвержденной конституционной модели.

Новая идея подверглась яростной критике. Британскому колониальному приверженцу того времени казалось верхом абсурда доверить управление страной людям, которые всего несколько лет назад сделали все возможное, чтобы свергнуть это правительство. Тори были бы более чем людьми, если бы они не были раздражены, увидев, что таким настоящим мятежникам, как Жируар, сражавшийся вместе с повстанцами при Сент-Эташ, предложили место в Кабинете министров. Они все еще не могли принять суровое высказывание Маколея: "Есть только одно лекарство от зла, которое порождает недавно обретенная свобода, и это лекарство - свобода". Как бы они отнеслись к трехлетней войне Великобритании с голландскими республиками Южной Африки и к тому, что сразу после этого они передали управление ими бурам и генералу Луису Боте? За принятие принципа народного правления, согласно которому править должно большинство, Багот подвергся нападкам с нечеловеческой яростью, которая поражает современного читателя своей злобой и непристойностью. Поскольку губернатор был справедливым человеком и преданно следовал конституционным обычаям, над ним издевались как над дураком и предателем не только в колонии, но и в Англии. Неудивительно, что его здоровье начало сдавать под воздействием такого напряжения.

Та историческая первая сессия 1842 года была очень короткой; она длилась всего месяц. Нельзя также сказать, что оно многого добилось в плане действующего законодательства. Критика оппозиционной прессы не была необоснованной — было много крикунов и мало шерсти. То, что критика вообще была высказана, показывает, сколь многого ожидали от установления принципа. Человечество питает жалкую веру в эффективность политической машины, переделанной или реконструированной заново, чтобы раздробить счастье и приблизить Золотой век. Тем не менее, великий политический принцип был утвержден и проявился в триумфальном действии. Новая конституция наконец-то встала на ноги, и, наконец, она действительно начала "маршировать".

Вскоре после закрытия сессии полномочия Багота подошли к концу. Губернатор был уже немолод, а фракционная оппозиция в колонии и отсутствие поддержки в Англии сказались на его здоровье и настроении. Наступление суровой канадской зимы стало тяжелым испытанием для потрясенного человека. По рекомендации врача он подал в отставку со своего поста, но когда его отставка была принята, он был слишком болен, чтобы путешествовать. Он тоже умер в Элвингтоне, Кингстон, 30 мая 1843 года; но голоса злопыхателей не смолкали у его смертного одра. "Слабоумный" и "раб" были одними из самых мягких выражений для оскорбления. Багот был вторым губернатором подряд, который отдал свою жизнь при исполнении своего долга. И он был не последним. Как будто на этой должности лежала какая-то порча или проклятие, которое делало ее фатальной для владельца. Обращение канадцев с Баготом, благородным джентльменом, честно выполнившим неблагодарную работу, должно заставить каждого канадца поникнуть головой.

Преемником Багота стал сэр Чарльз Меткалф. Он прибыл в Кингстон с американской стороны 29 марта 1843 года в тесных санях, запряженных четырьмя серыми лошадьми. Его опыт, должно быть, был новым с тех пор, как он высадился в Бостоне и отправился по суше, чтобы добраться до столицы колонии. Вся страна все еще была покрыта глубоким снегом и, должно быть, представляла собой самое странное зрелище для человека, прошедшего свою жизнь в тропиках. Он был встречен у подножия Артур-стрит восторженным сборищем горожан с соответствующей церемонией и шоу. "Представительный англичанин с веселым лицом", как охарактеризовал его очевидец, он произвел благоприятное первое впечатление на людей своего правительства.

Меткалф получил образование "писателя" в старой Ост-Индской компании и, должно быть, был современником Джозефа Седли Теккерея. Он родился в Индии, в Лекционном доме в Калькутте, 30 января 1785 года. Одиннадцать лет спустя он поступил в Итон, где сразу проявил недюжинную целеустремленность и явное отвращение к спортивным занятиям - две черты, которые выделяли его из толпы английских школьников. В возрасте шестнадцати лет он вернулся на родину. Его ждала блестящая карьера. К 1827 году он стал членом Верховного совета Индии. Позже он исполнял обязанности временного генерал-губернатора и получил Большой крест Бани. В 1838 году он подал в отставку и стал губернатором Ямайки. Возможно, самым значительным инцидентом в его карьере были его боевые действия в качестве добровольца при штурме Дига на Рождество 1804 года. Мужество, которое толкает гражданского в отчаянную рукопашную схватку, в которую он не обязан идти, должно быть выше доказательств. Меткалф не был заинтересован в деньгах в своем положении. Он был богатым человеком, который тратил гораздо больше, чем его официальная зарплата, на различные способы, которыми от генерал-губернатора ожидается щедрость. На его "веселом лице" были следы жестокой и неизлечимой болезни. В Индии его до сих пор помнят как автора законопроекта, установившего свободу прессы. Историк Маколей называет его "самым способным государственным служащим, которого я когда-либо знал в Индии". Дарем, Сиденхэм, Багот, Меткалф — в Британии было мало более выдающихся или способных государственных служащих; и они посвятили все свои полномочия, не думая о том, чего это будет стоить им самим, решению жизненно важной проблемы поддержания Империи. Их более очевидными наградами были оскорбления и смерть.

SIR CHARLES METCALFE

After a painting by Bradish

Сэр Чарльз Меткалф.

По мотивам картины Брэдиша

Несчастье Меткалфа заключалось в том, что вся его политическая подготовка была получена в управлении подвластными расами, индусами в Индии и неграми на Ямайке, расами, "настолько привыкшими к тому, что их попирают сильные, что они всегда рассматривают человечность как признак слабости". Теперь, состарившись и укрепившись в своем менталитете, автократичный,

каким и должен быть индийский государственный служащий, он имел дело с грубой, неприбранной белой демократией, нетерпимой к контролю, как обнаружил Дарем, и остро ревнивой к своим правам. Теоретически Меткалф должен был испытывать наибольшее сочувствие, поскольку в английской политике он был передовым вигом, решительно выступавшим за такие популярные меры, как отмена хлебных законов, голосование тайным голосованием, расширение избирательных прав. Кроме того, он искренне желал сыграть роль миротворца. Тем не менее, его администрация была отмечена реакцией на старое положение дел при Тори и вызвала министерский кризис, который угрожал вернуть царство Хаоса и старой Ночи.

Основная трудность заключалась в ментальном настрое губернатора. Он с совершенной ясностью видел, что уже сделано. Дарем выдвинул теорию, которую Сайденхэм воплотил в жизнь, став своим собственным министром, и Багот решительно пошел по стопам Сайденхэма. Группа колониальных чиновников, известная как Исполнительный совет, тем временем вкусила власти. Теперь они осмеливались говорить о себе как о "министрах", как о "кабинете", как о "правительстве", как об "администрации"; и эти термины, со всеми вытекающими из них последствиями, нашли всеобщее признание. Но Меткалф считал их неприемлемыми, поскольку они слишком сильно ограничивали власть губернатора и, как следствие, власть, которую он представлял. Он был полон решимости не быть простой фигурой на государственном корабле; он хотел быть капитаном, бесспорно командующим. Теоретически, если бы он руководствовался исключительно рекомендациями местного министерства, он был бы "ответственен" перед ними, а не перед своим сувереном; его должность была бы ничтожна, и разница между колонией и независимым государством исчезла бы. Теоретически Меткалф и поддерживавшие его памфлетисты-консерваторы были правы в своих утверждениях. Полная свобода управлять своими собственными делами должна была бы, если строго следовать логике, отделить колонию от метрополии; но британский гений компромисса преодолел эту трудность чисто британским способом, избегая какого-либо точного и жесткого определения отношений, существующих между метрополией и дочерним государством. То, что "простое чувство" должно связывать их крепче, чем самый искусно сформулированный договор или законодательный акт, доказано миру в наши последние дни жертвами Канады во имя общего дела во время Великой войны. Но в сороковые годы девятнадцатого века было мало причин придерживаться этой веры. Конфликт между таким властным губернатором, как Меткалф, привыкшим к старому порядку, и политическими лидерами, такими как Болдуин и Лафонтен, пытающимися установить новый порядок, был неизбежен; их взгляды были диаметрально противоположны; вопрос заключался только в том, когда произойдет столкновение.

Третья сессия первого парламента Канады открылась в конце сентября 1843 года. В Собрании из восьмидесяти четырех членов партия реформ насчитывала шестьдесят человек, что составляло подавляющее большинство, поскольку *сближение* между симпатизирующими партиями двух провинций было теперь полным. Лидером оппозиции был сэр Аллан Макнаб из *Каролины*, типичный солдат-политик, узкий, но честный в своих взглядах, и, как и его соотечественник Алан Брек, "прекрасный боец". Это была важная сессия. Наконец-то реформа прочно утвердилась в седле. Никакая оппозиция не могла надеяться сорвать любые меры, которые правительство могло бы выдвинуть. Правительство также нельзя было упрекнуть, как и раньше, в том, что оно просто болтает и ничего не делает. Многие законодательные акты первостепенной важности заслуживают его похвалы. Одна из мер, принятых на этой сессии, предусматривала перенос резиденции правительства из Кингстона в коммерческий мегаполис

Монреаль. Никто не мог представить, на какой короткий срок Монреаль удостоится этой чести. С помощью другой мудрой меры из состава Ассамблеи были удалены заместители; иными словами, постоянные должностные лица, такие как судьи и секретари, не могли занимать свои должности и быть членами парламента. За это важное изменение отвечал Лафонтен, а также за другой законопроект, который упростил судебную систему Нижней Канады. Была предпринята попытка обуздать буйство ирландских фракций, которые принесли в Канаду давние, ожесточенные распри Старого Света. Был принят законопроект о пресечении всех тайных обществ, кроме масонских. Разумеется, это было направлено непосредственно против Оранжевого общества, этой энергичной политико-религиозной организации, которая хранит память о голландском принце и битве, в которой он участвовал в семнадцатом веке. С этим законопроектом Меткалф не согласился, но "приберег" его, поскольку это было его несомненным правом, для королевской санкции. В конце концов, эта санкция не была дана, и Акт не стал законом. "Резервирование" этого законопроекта, по-видимому, не вызвало особых комментариев; но, как будет показано в следующей главе, отказ другого губернатора "зарезервировать" другой законопроект вызвал бурю. Хинкс, финансовый деятель, обеспечил стране "защиту" от конкуренции американских фермеров - политического устройства, которому было суждено найти гораздо более широкое применение. Крайне важный вопрос образования привлек внимание Ассамблеи. Что было сделано раньше, так это, что наиболее важно, создание условий для высшего образования путем создания "средних школ" в разных округах в качестве основы для надстройки университета. Это можно было бы назвать положением об аристократическом образовании. Теперь законом стала мера по улучшению поддержки обычных школ. Это было условием демократического воспитания, необходимого следствия народного правления, ибо, если Демос должен править, демос нельзя оставлять в неведении; опасность, исходящая от невежественного правителя, слишком велика.

Затем возникла сложная проблема провинциального университета. Интересно отметить, как история образования одной канадской провинции повторяется в другой. Королевский колледж в Новой Шотландии был основан изгнанными лоялистами из Соединенных Штатов в конце восемнадцатого века. Это было детище Англиканской церкви. Первый епископ Новой Шотландии заручился для этого поддержкой провинциальной ассамблеи. Естественно, он был построен по образцу великого английского Оксфордского университета и, как и Оксфорд того времени, предназначался исключительно для обучения тех, кто находится в черте национальной церкви. Но этот провинциальный университет, имеющий честь быть старейшим в британских владениях за океаном, содержался за счет государственных средств, частично внесенных "инакомыслящими", чьи убеждения исключали их из него. Только ценой своих религиозных принципов "раскольники" Новой Шотландии могли получить высшее образование. Поэтому они принялись за работу по созданию собственной независимой "академии". В Верхней Канаде события развивались по тому же пути. Там в начале девятнадцатого века был основан другой привилегированный "Королевский колледж", исключительно англиканский, богато наделенный государственными землями. Исклученные "инакомыслящие" приступили к основанию собственных колледжей; и таким образом возникли Королевский колледж и колледж Виктории. У Роберта Болдуина было видение всеобъемлющего государственного университета на широкой неконфессиональной основе, в котором все эти колледжи должны были быть составными частями. Он внес законопроект об основании Университета Торонто - мера, на которой time наложил свою одобрительную печать. Множество величественных зданий, украшающих Куинз-парк, длинный список выдающихся выпускников, благородная

группа дочерних колледжей, Нокс, Сент-Майкл, Тринити, Уиклифф, Виктория, свидетельствуют о мудрости дальновидного решения Болдуина. Епископ Стрейкен, отважный абердинский поборник англиканских прав и привилегий, возглавил крестовый поход против этого "безбожного учреждения" и поднял крик о разграблении. Отголоски этой словесной войны даже сейчас едва ли затихли. Не сумев предотвратить основание Торонто, неутомимый епископ основал новый англиканский университет Тринити, который со временем был объединен в большой провинциальный университет. Но это нужно предвидеть. Законопроект Болдуина дошел до второго чтения, когда министерство взорвалось.

В конце ноября произошло неизбежное столкновение. Меткалф не верил в ответственное правительство в понимании реформаторов; и он был полон решимости отстаивать прерогативы короны. Во-первых, он не собирался отказываться от права назначения. Он произвел несколько назначений, не посоветовавшись со своими министрами. Когда по собственному почину он назначил мирового клерка, они решили сделать из этого пробный случай. Они сочли, что, проигнорировав их, он нарушил важный конституционный принцип; и когда они не смогли убедить его в этом на личной встрече, они все вместе (за единственным исключением) подали в отставку 26 ноября 1843 года. Это привело к так называемому кризису Меткалфа. В официальном заявлении перед Палатой представителей реформаторы исходили из того, что они не могут нести "ответственность" за назначения, сделанные без их ведома. Губернатор должен был действовать по их совету, но он действовал, не дав им возможности посоветоваться с ним. Меткалф, с другой стороны, утверждал, что реформаторы хотели, чтобы он отказался от покровительства короны "ради покупки парламентской поддержки". Он выступал против покровительства в партийных целях. Пусть долгая история политических назначений с того дня, история патронатных комитетов подтвердит, что губернатор был отчасти прав. Официальные заявления обеих сторон в споре были немедленно обнародованы и произвели в народе фурор, уступающий по интенсивности только тому, который привел к восстанию и сопровождал его. Уверенность Сайденхэма в том, что его работа не может быть отменена никаким преемником, какое-то время казалась необоснованной.

Отставка министерства была лишь первым выстрелом в политической кампании, целью которой было отстранение губернатора от должности. Изложив в Палате представителей причины своих действий, министерство получило восторженный вотум доверия; но их отставка вступила в силу, и девятого декабря Собрание было отложено. Затем обе партии развернули борьбу против предстоящих выборов. Началась агитация почти беспрецедентного насилия. Общественные собрания, банкеты, речи, брошюры, газеты - все это способствовало не столько возбуждению, сколько потрясению страны. При всей своей непринужденности Меткалф был неукротимым бойцом, и в этот, свой последний бой, он бросился с удивительной энергией. И ему не пришлось сражаться в одиночку. Не было ни малейшей неприязни к кабинету Лафонтена-Болдуина и ни малейшего ликования, когда предполагалось, что он будет "отправлен в отставку" лояльным и мужественным губернатором. Нет сомнений в том, что в этой борьбе Меткалф перешел границы, в которых мог справедливо действовать губернатор колонии. Он отказался от какой-либо официальной беспристрастности. Он поддерживал дело одной партии и использовал свое огромное влияние, чтобы помочь этой партии прийти к власти. В то же время у него не было руководителя, вернее, такового не было; и все лето 1844 года он неустанно прилагал усилия, чтобы убедить людей с положением занять должность под руководством Дрейпера. Суть ситуации заключалась в том, чтобы заручиться франко-канадской поддержкой английского губернатора-тори. К одному видному французу за другим

"обращались", но безуспешно. Наконец Меткалфу удалось наскрести министерство, в состав которого вошли такие известные франко-канадцы, как "Бо" Виже и Д. Б. Папино, брат лидера 37-го. Затем, распустив Ассамблею, губернатор издал приказ о проведении новых выборов. Эти выборы осенью 1844 года сопровождались большими беспорядками. Обе стороны прибегли к насилию. Когда Палата представителей собралась, оказалось, что Меткалф и тори одержали победу. Реформаторы были в меньшинстве. В то время как Нижняя Канада вернула Лафонтена с большим количеством сторонников, западная провинция послала фалангу на поддержку губернатора. Среди других курьезов этих замечательных выборов было поражение Вигера от Вулфреда Нельсона, в последнее время выступавшего с оружием в руках против правительства Ее Величества. В этом соревновании молодой юрист шотландского происхождения защищал Кингстон от тори. Ему было суждено далеко зайти. Его звали Джон Александр Макдональд.

Меткалф одержал победу, но у власти у него было очень незначительное большинство; сторон было от сорока шести до тридцати восьми. В ходе обычной пробы сил — выборов спикера — сэра Аллан Макнаб был выбран большинством всего в три голоса. И все же Дрейпер, этот опытный балансир на натянутом канате, сумел продержаться у власти в этих условиях целых три года. Понимая, что он должен заручиться поддержкой французов, если его партия вообще хочет выжить, он ловко проводил любимые реформы, как если бы они были его собственными, выбивая таким образом почву из-под ног своих противников. Например, английский был сделан единственным официальным языком законодательного органа. Теперь проницательному лидеру партии удалось добиться отмены этого неприятного пункта в Акте о профсоюзе. Он даже пошел дальше и попытался привлечь на свою сторону франко-канадскую партию оптом, предложив желаемые должности; но в этой интриге он потерпел неудачу.

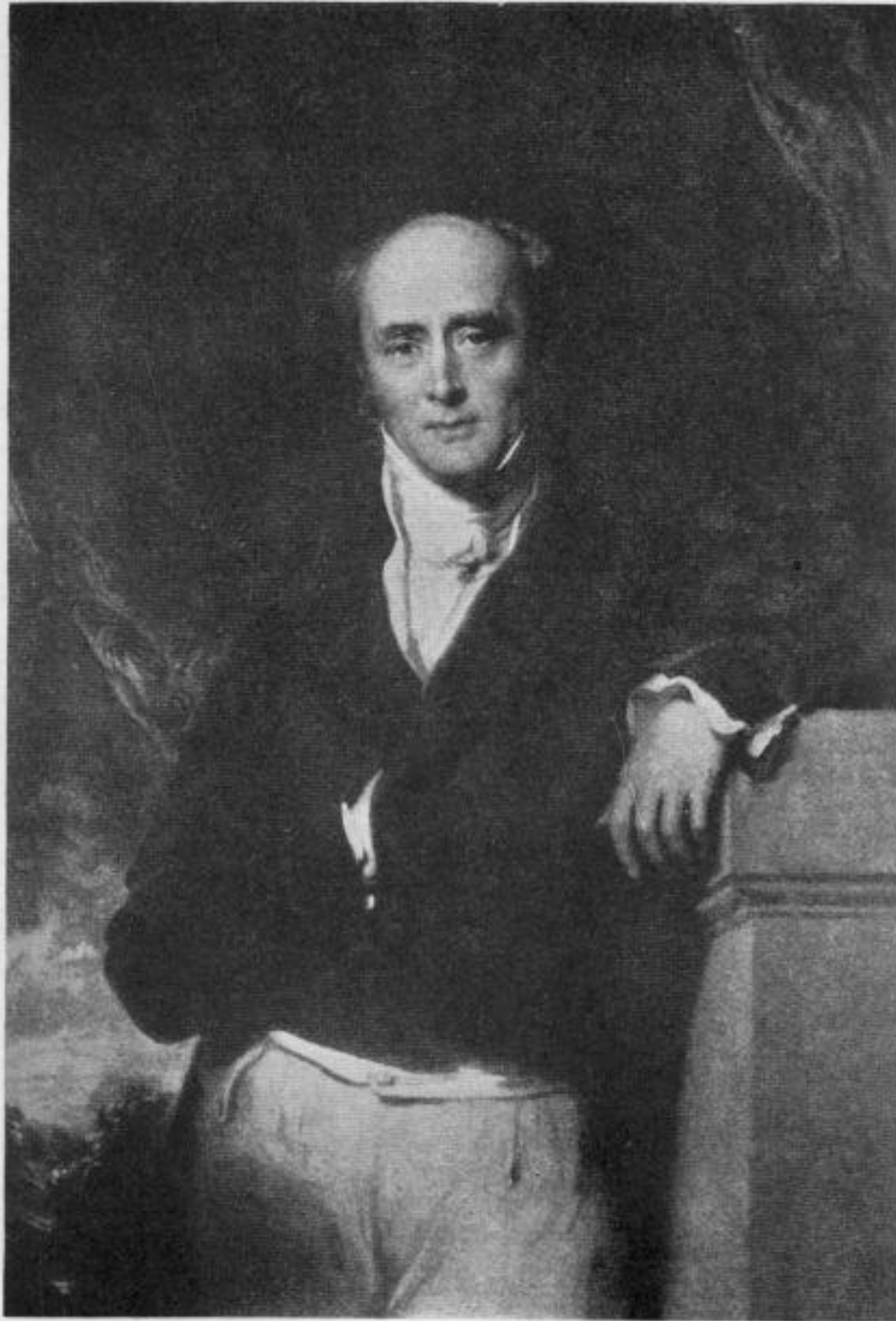
Тем временем вступил в силу Закон о назначении новой столицы. Кингстон на сезон уступил место Монреалю. Огромное здание рынка Святой Анны на западе города было превращено в здание парламента, которому была уготована судьба Трои. Здесь проходила сессия 1844-45 годов. Принятый закон не имел прямого отношения к вопросу об ответственном правительстве. Перед окончанием сессии поступили новости о том, что правительство метрополии намерено повысить губернатора до звания пэра как барона Меткалфа из Ферн-Хилла. Его короткие два года в Канаде были лишь эпизодом в долгой карьере выдающегося государственного служащего. Он сделал себе имя и провел свою жизнь в Индии. Предполагаемая честь была вполне заслуженной; и она была задумана правительством метрополии как признание его заслуг перед государством в целом, а не как особое одобрение его управления Канадой. Но именно так реформаторы истолковали возвышение Меткалфа; и они были в ярости. Даже умеренный Болдуин поддался непривычной горячности. Никто не может сказать, что произошло бы, останься Меткалф на своем посту. Возможно, вторая гражданская война. Но "смерть разрубила неразрывный узел". Его смертельная болезнь вернулась после бредового периода, что является ее отвратительным обычаем. Его здоровье пошатнулось; рак разъел его глаз и лишил зрения. Было очевидно, что он больше не может выполнять свои служебные обязанности. Он попросил отозвать его; но власти на родине, зная о его болезни, предвосхитили его желание. Мужество, которое толкнуло мальчика-"писателя" на смертельную атаку на Дига, поддерживало старого проконсула в течение медленных пыток оставшихся ему месяцев жизни. Он покинул Канаду в ноябре 1845 года умирающим человеком и, к стыду Канады, среди несвоевременного ликования своих политических противников. Менее чем

через год он был мертв. Маколей сочинил ему эпитафию. Меткалф был выдающимся человеком; и он внес свою лепту в создание Британской империи. Его именем названы улица в Оттаве и холл в Калькутте; а его статуя стоит в бывшей столице Ямайки.

ГЛАВА IV

ВЕЛИКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

После отъезда Меткалфа из Канады администрация перешла в руки лорда Кэткарта, главнокомандующего вооруженными силами. Он был одним из многих прекрасных солдат, которые внесли свой вклад в строительство Канады и чьи заслуги получили самое незначительное признание. Происходя из древнего шотландского рода, он участвовал в великих наполеоновских войнах от Мейды до Ватерлоо, где сильно отличился. После заключения мира он обратил свое внимание на изучение естественных наук и внес важный вклад в минералогию. Кэткарт занимал свой пост с 26 ноября 1845 года по 30 января 1847 года, то есть около четырнадцати месяцев. Он мудро предоставил канадскую политику канадским политикам и просто наблюдал, как вращается механизм. Сначала он был простым администратором, но из-за опасности, возникшей из-за неурегулированного спора о границе штата Орегон, он был повышен до звания генерал-губернатора.

CHARLES, EARL GREY

From the painting by Sir Thomas Lawrence

Чарльз, эрл Грей.

С картины сэра Томаса Лоуренса

Его преемником также был шотландец Джеймс Брюс, граф Элджин и Кинкардайн, прямой потомок короля-патриота Роберта Брюса. Его отец был британским послом, который спас "мраморные шарики Элджина" из Парфенона и продал их нации, тем самым навлек на себя гневную сатиру Байрона в "Проклятии Минервы" и "Паломничестве Чайльд Гарольда". Новый генерал-губернатор был молод, беден и способен. Гораздо больше, чем его предшественники, он пользовался преимуществами регулярного образования. В Итоне у него был школьный товарищ Гладстон, а в Оксфорде он учился в одном колледже с Далхаузи, будущим генерал-губернатором Индии. Он также отличался двумя качествами: он был искренним христианином благочестивого евангельского типа и обладал даром речи, который был бы замечателен у любого человека, но больше всего был примечателен у высокопоставленного чиновника довольно косноязычной расы. Его врожденный дар красноречия тщательно культивировался и оказался очень ценным во многих моментах его общественной карьеры. Интересны его семейные связи. Его первую жену, мисс Брюс, постигла трагическая судьба. Судно, на котором она сопровождала своего мужа в Вест-Индию, потерпело крушение во время отплытия; она так и не оправилась от шока и переохлаждения и вскоре умерла. Его вторая жена была дочерью лорда Дарема и племянницей эрла Грея, который в 1845 году был министром по делам колоний и чьему влиянию Элджин был обязан своим назначением генерал-губернатором. Он был вполне пригоден для этой должности. В то же время это был способ обеспечить небогатого родственника. Как и Меткалф, лорд Элджин прибыл в Канаду через Ямайку, которой он управлял в мрачные дни, последовавшие за освобождением рабов. Его обширная подготовка, его либеральная политика, принадлежность к его семье - все это predisполагало его принять роль, от которой Меткалф категорически отказался, роль, а именно конституционного генерал-губернатора, руководствующегося исключительно рекомендациями министерства, представляющего большинство в парламенте. Другими словами, Элджин принял решение полностью следовать принципу ответственного управления, как его понимают в колонии. Он недолго пробыл в стране, прежде чем обнародовал свои намерения; и своей неизменной политики он придерживался, как добрыми, так и злыми слухами, немалой ценой для себя, ибо никогда принципы канадского генерал-губернатора не подвергались более суровому испытанию.

Элджин прибыл в Монреаль в конце января 1847 года и был сердечно встречен обеими политическими партиями. Он, со своей стороны, был готов восхищаться "совершенно независимыми жителями" этой "славной страны", чье поведение определенно не было поведением недавно освобожденных рабов в его бывшей сатрапии. "Независимые жители" проголосовали за него как за "демократа" за то, что он отправился в "Монклендз" в снежную бурю, когда за границей почти никто не появлялся. Ему были рады по другой причине. Эксперимент с народным правительством работал не особенно хорошо. Конституция действительно "маршировала", но со зловещим скрипом и стонами, которые, казалось, угрожали полным крахом. Так должно быть с каждым правительством, которое пыталось выполнять свои функции, опираясь лишь на небольшое большинство. Единодушный прием, оказанный генерал-губернатору обеими политическими партиями, подразумевал веру в то, что так или иначе он сможет найти выход из нынешних трудностей и заставить правительственную машину работать бесперебойно. Это была вера в действенность бога из машины. Правительство Дрейпера становилось все слабее и слабее, постоянно терпя поражения в Палате

представителей и, следовательно, дискредитируясь перед страной. Его трудности усугублялись событиями за пределами Канады, которые правительство не могло контролировать. Ужасный ирландский голод 1846-1847 годов отразился на Канаде, поскольку тысячи умирающих от голода эмигрантов пытались бежать на новую землю и, выдержав затянувшиеся ужасы среднего пролива, добрались до Канады только для того, чтобы умереть, как пораженные чумой овцы, от лихорадки и абсолютных страданий. Памятник на острове Гроссе не передает и половины стыда и страданий того трагического времени. И правительство Дрейпера не продемонстрировало способности справиться с проблемой. Наконец, в декабре 1847 года лорд Элджин распустил Палату представителей, и состоялись новые выборы. Они привели к полной победе на выборах партии реформ. Все лидеры - Болдуин, Лафонтен и Хин - были возвращены. Вернулась лишь горстка других участников; но среди них были сэр Аллан Макнаб и молодой кингстонский юрист Джон А. Макдональд.

Заседание новой Палаты представителей состоялось 25 февраля 1848 года. В борьбе за пост спикера реформаторы одержали победу. Сэр Аллан Макнаб снова был кандидатом от тори; Болдуин выдвинул своего друга Морина, который владел французским и английским языками, что было необходимой квалификацией для председателя двуязычного парламента. И Морин был избран спикером подавляющим большинством голосов. В соответствии с правилами остатки министерства Дрейпера подали в отставку, и Лафонтен и Болдуин сформировали новый кабинет. Это время известно в истории Канады как "Великая администрация", которая просуществовала до ухода в 1851 году обоих известных лидеров из общественной жизни. Эта награда вполне заслуженна не только из-за высокого характера лидеров и ценности подтвержденных и претворенных в жизнь политических принципов, но и из-за неизменной ценности законодательной программы, которую она довела до успешного завершения. Последующее заседание было очень коротким, поскольку требовалось время для подготовки различных важных мер, которые намеревались осуществить реформаторы. Тревожный год европейской революции, 1848 год, был довольно бесцветным в анналах Канады; не таков был год, следовавший за ним.

Насыщенная событиями сессия 1849 года открылась восемнадцатого января в здании парламента, импровизированном на месте рынка Святой Анны недалеко от нынешней площади Ювиль в Монреале. В Тронной речи объявляется программа наиболее важных мер, которые должны быть представлены парламенту. В данном случае Речь представляла собой обещание заняться такими жизненно важными вопросами, как избирательная реформа, Университет Торонто, совершенствование судебной системы и завершение строительства каналов Святого Лаврентия. В нем также содержались два объявления, наиболее приятных для французов: во-первых, амнистия будет предложена всем политическим преступникам, причастным к беспорядкам 37-38 годов; и, во-вторых, что пункт Акта о союзе, который делал английский единственным официальным языком, был отменен. Генерал-губернатор проявил свой такт и добрую волю, прочитав Речь как по-французски, так и по-английски, и с тех пор этот обычай сохраняется.

Поразительным инцидентом во время вступительных дебатов по Обращению стало столкновение с оружием в руках между Лафонтеном и Папино, между новым и старым лидером франко-канадской политической мысли. В 37-м году Папино поднял своих соотечественников на вооруженное сопротивление правительству, но он мудро воздержался от того, чтобы встать во главе повстанцев. Вместе со своим секретарем О'Каллаганом он был свидетелем сражения

при Сен-Дени с другого берега реки, но не принимал в нем участия. Впоследствии он благополучно добрался до американской границы. Из Соединенных Штатов он перебрался во Францию, где общался с некоторыми передовыми мыслителями столицы. В 1843 году Лафонтен, благодаря своим личным усилиям с Меткалфом, смог добиться для своего изгнанного вождя привилегии беспрепятственного возвращения на родину. Папино, однако, воспользовался этой привилегией только четыре года спустя; жизнь в Париже пришлась ему вполне по вкусу. Любопытным результатом его возвращения, помилованного мятежника, стало то, что он потребовал и получил из провинциальной казны девятилетнюю задолженность по зарплате, причитавшуюся ему как спикеру в старой Ассамблее Нижней Канады. На выборах 1847 года он баллотировался от Сен-Мориса и был избран. В новом парламенте он взял на себя роль непримиримого; вся его политика была обструкцией. Чего он не мог понять, так это того, что за десять лет его отсутствия вся страна отошла от того положения, которое она занимала до начала восстания; и, уезжая, она оставила его безнадежно позади. Его единственной программой было бескомпромиссное противодействие правительству, которое его простило, и смутная мечта об основании независимой французской республики на берегах реки Святого Лаврентия. На короткой сессии 1848 года он попытался, но безуспешно, заблокировать работу правительства. Теперь, на втором заседании, судьбоносном заседании 1849 года, он произнес одну из своих старых безрассудных филиппик, осуждающих тираническую британскую власть, Акт о союзе — ту самую меру, за которую он, как предполагалось, боролся, — ответственное правительство и, прежде всего, тех представителей его собственной расы, которые поддерживали новый порядок. Лафонтен поднял перчатку. Его реплика была столь же очевидной, сколь и сокрушительной. Если бы франко-канадцы отказались вступить в Союз в соответствии с Актом о союзе, они бы лишили себя какой бы то ни было доли в правительстве своей страны. Если бы они отказались войти, Папино не разрешили бы вернуться или снова заседать в качестве законодателя и свободного человека в национальном парламенте. Ответ был неопровержимым, и это положило конец влиянию Папино. Сбитый с толку и дискредитированный, старый лидер больше никогда не смог повлиять на массы своих соотечественников, как луна влияет на морские приливы. Его день закончился. Тем не менее, престиж его имени привлек к нему небольшую группу последователей из более молодых и пылких людей, которым он преподавал чистую радикальную доктрину. В *"Авенуре"*, пропагандистском журнале, который он основал, он проповедовал отмену Союза и присоединение к Соединенным Штатам. Вскоре он покинул арену, на которой больше не был центральной фигурой, и с достоинством уединился в своем сеньории Монтебелло рядом с благородной Оттавой.

Несмотря на все слепое противодействие, была проведена широкая и просвещенная законодательная программа. Почти двести мер, многие из которых имеют первостепенное значение, являются заслугой этой напряженной сессии. Острый вопрос о провинциальном университете был окончательно решен. Законопроект Болдуина об основании Университета Торонто, который был отложен в сторону из-за кризиса в Меткалфе, был вновь рассмотрен и доведен до статуса закона на всех его этапах. Задуманный как вершина и венец всеобъемлющей системы образования, столь же обширной, как провинция, Университет Торонто более чем оправдал надежды своего основателя. Была проложена прямая дорога от первого класса обычной школы к высшему отделению коллегияльного обучения. Потребности демократии не были оставлены без внимания, но были приняты мудрые и достаточные меры для немногих амбициозных и устремленных к цели людей. О том, насколько полностью университет

оправдал свое существование, свидетельствует зрелище, на котором обе политические партии соревнуются друг с другом в своей благосклонности к уважаемому национальному фонду. Множащиеся поколения выпускников Торонто должны с большим уважением относиться к имени Роберта Болдуина как к человеку, который сделал возможным место обучения, которое они с такой гордостью называют своей *альма-матер*.

Еще одна мудрая мера, за которую Болдуин заслуживает немалой похвалы, - это Закон о муниципальных корпорациях. Название имеет сухой юридический вид и практически ничего не предложит широкому читателю, за исключением, возможно, бюрократической волокиты. Более того, система, с помощью которой подразделения страны — графства, поселки, объединенные деревни — управляют собой, кажется настолько очевидной и работает так гладко на реальной практике, что кажется частью естественного порядка вещей и, должно быть, существовала с тех времен, за пределами которых память человека не говорит об обратном. Но нынешняя расширенная система самоуправления в Канаде не спустилась с небес в полном виде, как Двенадцать таблиц. Это был постепенный рост, или эволюция, по сравнению со старой системой, с помощью которой местные мировые судьи, заседаая на квартальных сессиях, начисляли местные налоги, с той разницей, что это не было бессознательным ростом. Растение, посаженное рукой Сайденхэма, было ухожено, выращено и доведено до зрелости Болдуином. Эта мера, ставшая законом в 1849 году, доказала свою величайшую практическую ценность; она получила одобрение компетентных критиков и послужила образцом для организации других провинций. Какой бы банальной и будничной ни казалась канадцам эта мера при ее практическом применении внутри страны, есть и другие части Империи — например, Ирландия, — которым было суждено надолго отстать. Отсутствие таких привилегий вызывает недовольство в других странах. Даже сегодня сельские округа Англии не обладают такими широкими полномочиями самоуправления, как графства Онтарио. Если бы фермерам Десятой концессии приходилось ездить в Оттаву и видеть законопроект в Палате представителей каждый раз, когда они хотели построить новую школу, если бы им приходилось месяцами ждать надлежащего разрешения, не говоря уже о законодательных расходах, они могли бы более остро оценить преимущества, которыми они пользуются в силу этого забытого Закона 1849 года. Любитель живописности не пожалеет, что термины с историческим колоритом "рив" и "смотритель" стали неотъемлемой частью демократической системы в Новом Свете.

Это был сеанс конструктивной государственной мудрости. Судебная система провинции нуждалась в пересмотре, расширении и упрощении; и это было сделано. Экономическое состояние Канады было каким угодно, только не удовлетворительным. В течение многих лет страна "пользовалась предпочтением" на британских рынках в соответствии со старой, правдоподобной теорией о том, что метрополию и колонию лучше всего связывают взаимовыгодные торговые соглашения, по которым колония должна поставлять метрополии сырье, а метрополия - промышленные товары. Внезапно весь бизнес Канады был сдвинут с мертвой точки из-за принятия Пил закона о свободной торговле в 1846 году. В результате Канада больше не имела никаких преимуществ на британском рынке перед остальным миром, и канадские торговцы лесом и производители зерна, несомненно, были недовольны. Общая коммерческая депрессия, начавшаяся во время восстаний, становилась все хуже и хуже. Часто цитируемые слова лорда Элджина рисуют картину плачевного состояния страны: "Недвижимость в большинстве канадских городов, и особенно в столице, за последние три года упала в цене на пятьдесят процентов. Три четверти коммерсантов обанкротились из-за свободной торговли; значительная часть экспортируемой продукции Канады вынуждена искать

рынок сбыта в Соединенных Штатах. На границе взимается двадцатипроцентная пошлина. Как долго можно ожидать сохранения такого положения вещей?' В поисках лекарства деятельный ум Хинкса обратился к очевидной альтернативе британскому рынку, естественному рынку по ту сторону границы; и он начал переговоры с Соединенными Штатами, нацеленные на взаимную торговлю. Он едва смог добиться слушания. Путь был перекрыт полным безразличием Сената Соединенных Штатов ко всему проекту. Лишь пять лет спустя пришло облегчение; и оно пришло благодаря инициативе и личной дипломатии лорда Эджина. Ему принадлежит заслуга в подписании знаменитого Договора о взаимности 1854 года. Это означает, что за двенадцать лет, в течение которых действовал международный договор, искусственные барьеры на пути торговых потоков между соседними странами были в значительной степени устранены, что, безусловно, принесло большую пользу всей британской Северной Америке. Это был уникальный период в истории Канады. Никогда прежде торговые отношения между Канадой и Соединенными Штатами не были такими дружественными, и никогда с тех пор они не были такими дружественными.

В другом крупном предприятии национального значения Хинксу сопутствовал большой успех. Сороковые годы девятнадцатого века ознаменовались первой великой эпохой железнодорожного строительства. Считалось, что этот новый способ передвижения обладает огромными неразвитыми возможностями. В Великобритании, где была изобретена паровая тяга, компании формировались десятками, и линии прокладывались во всех направлениях. Это было время диких спекуляций, в ходе которых впервые возник новый тип промоутера компаний. Из Англии страсть к железным дорогам распространилась на Континент и в Америку. Пока Хинс работал над этой проблемой в Канаде, Хоу работал над ней в Новой Шотландии. Общей целью первых канадских железных дорог было связать Восток с Западом, Монреаль с Торонто, Монреаль с Атлантическим побережьем, Монреаль с водными путями озера Шамплейн на юге. Именно в этот период были построены первые участки тех канадских линий, которые за полвека превратились в огромные системы, расходящиеся лучами по всему континенту. Идея Хинкса заключалась в том, чтобы помочь частному предпринимательству посредством государственных гарантий выплаты процентов на половину стоимости строительства. Канада сейчас пронизана железными дорогами от океана до океана. Человек, заложивший фундамент этих огромных систем в эпоху малых начинаний, никогда не должен быть забыт.

Таким образом, напряженная сессия продолжалась до тех пор, пока не была принята мера, которая вызвала бурю сопротивления, угрожала возобновлением гражданской войны и испытала принцип ответственного правительства почти до предела. Это был Акт компенсации, часть горьких последствий восстания двенадцатилетней давности.

Война, даже в самых мелких масштабах, означает уничтожение собственности. Во время смуты '37 зданий были сожжены дотла в ходе военных действий. Например, добрый отец Пакуин из Сент-Эсташа долго оплакивал потерю своей церкви и примыкающей к ней школы. Поскольку он стоял на возвышенности у слияния двух ручьев и был прочно построен из камня, это было отличное место защиты от нападения войск Колборна. Четырнадцатого декабря 1837 года Шень и его люди стойко удерживали его, пока два британских офицера не ворвались в ризницу и не опрокинули плиту. Вскоре пожар выгнал гарнизон из здания, которое было уничтожено вместе с новым зданием школы по соседству. Его прихожане были лояльны, утверждал отец Пакен в хорошо аргументированной петиции; это были не они, а недовольные жители Гран-Брюле, которые захватили город, но результатом стали разрухи. Во время дела в Оделлтауне в

1838 году сарай гражданина был сожжен дотла по приказу британского офицера, командовавшего войсками, потому что он давал убежище повстанцам. Недалеко от Сент-Эсташа швейцарский авантюрист и лидер повстанцев Амури Жиро завладел фермой, принадлежащей лояльной шотландской семье. Его люди вырубали деревья вокруг фермерского дома, грубо укрепили его и жили в нем в "рэк энд мэнгер", пока Колборн не приехал в Сент-Эсташ. Это были типичные случаи потерь, и, конечно же, когда порядок был снова восстановлен, это были случаи получения компенсации. Верные и невинные не должны страдать в своих благах из-за своей невинности и своей лояльности.

Требования о компенсации были предъявлены досрочно. В самый год восстания Ассамблея Верхней Канады приняла Закон о назначении уполномоченных для расследования размера ущерба, нанесенного имуществу лояльных граждан; а в следующем году она проголосовала за сумму в 4000 фунтов стерлингов для возмещения убытков. Мужчинам платили за угнанную корову или за реквизированный старый мушкет. Специальный совет Нижней Канады принял аналогичное положение, что было вполне естественно и правильно; но его задача была намного сложнее, чем у Ассамблеи. Очевидно, что имущество лоялистов, уничтоженное или пострадавшее во время гражданской войны, должно быть возвращено. Это была простая справедливость. Было также ясно, что имущество открытых мятежников, которое было уничтожено или ранено, не должно *not be*, и оно не должно быть возвращено в собственность. Но была и третья категория, с которой было не так легко иметь дело. Были те, кто открыто не участвовал в восстании, но кого серьезно подозревали в сочувствии объявленным повстанцам их собственной расы и религии. Трудно сказать, в какой степени сочувствие могло стать помощью и утешением для противников правительства. Деревня Сент-Эсташ, например, была подожжена в ночь после боя; войска вышли на сильный мороз тушить пожар, но не справились с ним до тех пор, пока не сгорело около восьмидесяти домов. Какие претензии могут предъявить владельцы к правительству за свои убытки? Зимой 1838 года небо было красным от пламени горящих деревень, пишет *Montreal Herald*.

Задержка закона вошла в поговорку. Компенсационное законодательство медленно продвигалось в течение многих лет, и лоялисты, которые пострадали от этого, видели, как проходит сессия за сессией, а их требования по-прежнему остаются неудовлетворенными. В 1840 году Ассамблея Верхней Канады приняла Закон, разрешающий расходовать не четыре тысячи, а сорок тысяч фунтов стерлингов для возмещения убытков лоялистам, пострадавшим от "беспорядков". Однако, поскольку Ассамблея в то же время запретила выделять какие-либо средства на эти цели, Закон остался в силе как благочестивое пожелание. Заявители на компенсацию от этого не стали лучше. Затем появился союз Канады. Прошло еще пять лет, и, несмотря на обычные осадные операции тех, у кого есть денежные претензии к правительству, ничего сделано не было. Различные амбары, коровы и мушкеты по-прежнему были безвозвратной потерей. Затем, в 1845 году, администрация Тори Дрейпера внесла необходимый завершающий штрих в закон о квакерах 1840 года, выделив необходимую сумму денег. Используя квитанции от лицензий на таверны, собранные в Верхней Канаде в течение четырех лет, правительство получило 38 000 фунтов стерлингов для этой конкретной цели. Но после Объединения было явно несправедливо выплачивать убытки от восстания, как их стали

называть, в Верхней Канаде, а не в Нижней. Реформаторы Нижней Канады подчеркивали очевидную несправедливость такого судебного разбирательства. Поэтому возникла необходимость расширить сферу действия Закона. Соответственно, в ноябре 1845 года была назначена комиссия в составе пяти человек для расследования требований о "возмещении справедливых убытков, понесенных" во время восстания в Нижней Канаде. Этой комиссии было поручено проводить различие между лояльными и непокорными, но, проводя это жизненно важное различие, они не должны были "руководствоваться никакими другими доказательствами, кроме тех, которые представлены приговорами судов общей юрисдикции". Комиссии также было дано понять, что ее расследование не должно быть окончательным. Она должна была подготовить лишь "общую смету", которая подлежала бы более тщательному изучению и пересмотру. Назначенная в конце ноября 1845 года, комиссия выполнила свою задачу и была готова к отчету в апреле 1846 года. Его "общая оценка" составила в общей сложности более 240 000 фунтов стерлингов; по его мнению, 100 000 фунтов стерлингов покроют все "справедливые понесенные убытки". Говорят, что на большую сумму 25 000 фунтов стерлингов претендовали те, кто на самом деле был осужден военным трибуналом за государственную измену. Неудивительно, что сразу же поднялся протест против взятия государственных денег для вознаграждения за государственную измену. На основании этого отчета нельзя было принять никаких мер, и правительство проголосовало за выплату 10 000 фунтов стерлингов по искам в Нижней Канаде, которые были подтверждены в союзе провинций. Последовала еще одна трехлетняя задержка, пока Лафонтен не поднял этот вопрос на сессии 1849 года.

Его общая идея заключалась в том, чтобы просто продолжить и дополнить уже действующее законодательство, чтобы воздать должное тем, кто "понес справедливые потери" в "смутах" 37-го и 38-го годов. Законопроект предусматривал создание новой комиссии из пяти человек, уполномоченной допрашивать свидетелей под присягой. В соответствии с выводом предыдущей комиссии общая сумма, подлежащая расходованию, была ограничена 100 000 фунтов стерлингов. Если убытки превышали эту сумму, индивидуальные претензии должны были быть пропорционально уменьшены. Необходимые средства должны были быть привлечены по двадцатилетним долговым обязательствам с процентами в шесть процентов. Лафонтен представил и объяснил законопроект, а Болдуин поддержал его в краткой речи. При их несомненном большинстве было достаточно легко проголосовать за эту меру; но вызванная ею буря сопротивления могла заставить менее решительных лидеров заколебаться или отступить.

SIR LOUIS H. LAFONTAINE

After a photograph by Notman

*Сэр Луи Х. Лафонтен.
По фотографии Нотмана*

Ярость оппозиции объяснялась не только готовностью, с которой фракция, находящаяся вне власти, ухватится за слабые стороны вопроса, чтобы поставить правительство в неловкое положение. Такая тактика притворного боя достаточно распространена и может быть оценена по достоинству. Лидеры британской партии были искренни в своей вере в то, что успех этой меры означал триумф французов и сведение на нет всего, что было сделано для удержания колоний в интересах Империи от мятежников, общепризнанной целью которых было отделение. Двенадцать лет прошло с тех пор, как они потерпели неудачу в оверте. Теперь Папино вернулся в Палату представителей, собираясь получить задолженность по зарплате в качестве спикера. В глазах Элджина он был Гаем Фоксом, размахивающим горящими головнями среди всевозможных горючих материалов. Маккензи был амнистирован монархом, которого он называл "кровавой королевой Англии". Вулфред Нельсон, оказавший сопротивление войскам Ее Величества при Сен-Дени, должен был получить рассмотрение своего иска о возмещении ущерба. Терпеть все это было не в крови политиков; и прежде чем осудить оппозицию этому законопроекту, как это принято у канадских историков, мы могли бы спросить, что бы сделали мы сами в таких обстоятельствах. Тори подняли боевой клич "Мятежникам не платить". Он разнесся от одного конца провинции до другого и пробудил к жизни все страсти, которые дремали со времен восстания.

Во время дебатов по второму чтению законопроекта в зале заседаний Палаты представителей произошла сцена, почти не имеющая аналогов. Тори насмеялись над французами, называя их "инопланетянами и мятежниками". Блейк, генеральный солиситор Верхней Канады, парировал обвинение и обвинил тори в том, что они "бунтуют против своей конституции и страны". В ярости сэр Аллан Макнаб обвинил его во "лжи с учетом обстоятельств", и два уважаемых члена парламента набросились друг на друга. Только оперативное вмешательство сержанта по вооружению предотвратило фактическое нападение. Обе воюющие стороны были взяты под стражу. Некоторые из возбужденных зрителей, которые шипели и кричали, также были взяты под стражу; и дебаты в тот день внезапно прекратились. Это были дни "кодекса", и не совсем понятно, почему "встреча" не была "организована" и почему у сэра Аллана не было возможности воспользоваться своими дуэльными пистолетами в серебряной оправе. Настроение наших политиков значительно улучшилось с тех пор, как произошла эта жестокая сцена. Никакое оскорбление слова благородного джентльмена, никакое обвинение во лжи не вызвало бы сейчас такого горячего негодования в наших законодательных залах.

Насилие и волнения, царившие в парламенте, повторились и усилились по всей стране. Все, что можно было сделать с помощью публичных собраний, петиций, протестов, было сделано для того, чтобы помешать принятию законопроекта, или, если он будет принят, помешать генерал-губернатору дать на него свое согласие, или, в качестве последнего средства, побудить королеву отклонить эту возмутительную меру. Весь механизм агитации был приведен в движение и ускорен, чтобы не допустить превращения законопроекта в закон. "Демонстрации" — проще говоря, скандалы — происходили повсюду. Степенный маленький Бельвиль был ареной ожесточенных беспорядков. Изображения Болдуина, Блейка и Маккензи пронесли по улицам Торонто на длинных шестах "под одобрительные возгласы и ликование самого большого скопления людей, которое видели в Торонто со времен избрания Данна и Бьюкенена". Наконец, изображения были сожжены в пародийном *аутодафе*. Этот древний английский обычай был

более мягким способом выражения политического неодобрения, чем изобретение индейцами смолы и перьев; но, похоже, он в равной степени успокаивал чувства. Сторонний наблюдатель, *New York Herald*, ожидал, что беспорядки закончатся "полным и совершенным отделением этих провинций от правления Англии"; но в те дни американские критики всегда ожидали отделения.

Нет более четкого отражения кризиса, чем в словах человека, на котором лежит самая тяжелая ответственность, - самого генерал-губернатора. Вот его личное мнение о законопроекте: "Сама по себе мера не свободна от возражений, и я очень сожалею, что в настоящее время к нашему долгу по такому объекту должно быть добавлено дополнительное финансирование. Тем не менее, я должен сказать, что не вижу, как мое нынешнее правительство могло избрать какой-либо другой курс". Он также называет это "строгим логическим продолжением" собственных действий партии Тори; и у него "нет никаких сомнений в том, что в то время в Нижней Канаде было бессмысленно и жестоко уничтожено большое количество собственности". К нему обратились с петицией о роспуске парламента, если законопроект будет принят; его суждение об этой альтернативе звучит так: "Если бы я распустил парламент, я мог бы спровоцировать восстание, но, несомненно, я не привел бы к смене министерства". Другая альтернатива - оставить законопроект за собой - казалась, когда он взвешивал это в уме, трусливой. Он не хотел создавать прецедента. Законопроекты резервировались и раньше, и им было отказано в королевской санкции; зарезервировать этот законопроект не было бы отходом от установленного обычая; но, пишет он лорду Грей, "резервируя Законопроект, я бы только бросил вызов правительству Ее Величества ... ответственность, которая лежит и, я думаю, должна лежать на моих собственных плечах". Следующие предложения демонстрируют идеал общественного служения, который можно назвать только рыцарским. Исполнительный глава правительства был готов скорее столкнуться с неудачей и позором, крушению своей карьеры, чем уклониться от ответственности, которая действительно лежала на нем. - Если я приму Законопроект, то, какое бы зло ни возникло, оно, возможно, будет исправлено, если дойдет до худшего, моей жертвой. Принимая во внимание, что если дело будет передано в Англию, не исключено, что перед Ее Величеством может встать альтернатива спровоцировать восстание в Нижней Канаде ... или уязвить чувства некоторых из лучших подданных, которые у нее есть в провинции. " С самого начала Эджин твердо решил занять пост конституционного губернатора; он считал, что лучшим оправданием памяти Дарема и того, что он сделал в Канаде, был бы генерал-губернатор, честно выражающий взгляды диктатора на управление. Хотя он определенно решил, какому образу действий следовать, его никогда не предавали, заставляя взять на себя обязательства раньше положенного времени. Депутации осаждали его провокационными речами; но ни одна не была достаточно хитра, чтобы поймать его в ловушку на его речи. "Жертва" последовала достаточно скоро.

Несмотря на всю ярость оппозиции в Палате представителей и за ее пределами, законопроект о возмещении ущерба был принят большинством более чем два к одному. Следующий вопрос заключался в том, что бы сделал лорд Эджин? Даст ли он свое согласие на законопроект, завершающий вице-королевский штрих, который сделает его законом, или оставит его для санкции Ее Величества? У некоторых неназванных респектабельных людей были догадки о том, что он собирается сделать, как показало продолжение. Несчастный случай ускорил кризис. В 1849 году навигация на "Святом Лаврентии" открылась рано, и двадцать пятого апреля было замечено первое судно сезона, приближающееся к порту Монреаля. Чтобы его новый тарифный законопроект немедленно вступил в силу в отношении приближающегося груза, Хинкс

отправился в "Монклендс", резиденцию лорда Элджина, чтобы получить официальное согласие генерал-губернатора на этот конкретный законопроект. Губернатор сделал, как его просили. С этой целью он приехал из Монклендса в штате в здание парламента. Время показалось подходящим, чтобы дать свое согласие на несколько других законопроектов. Среди прочего, он согласился от имени Ее Величества с "Законом о возмещении ущерба лицам в Нижней Канаде, чья собственность была уничтожена во время Восстаний 1837 и 1838 годов". Что произошло в результате, лучше всего рассказать его собственными словами. "Когда я покинул Здание парламента, меня встретила смешанными приветствиями и улюлюканьем отнюдь не многочисленная толпа, окружившая вход в здание. Небольшая группа людей, состоящая, как впоследствии было установлено, из представителей респектабельного класса общества, забросала экипаж ракетами, которые они, должно быть, привезли с собой для этой цели. ""Ракетами", которые нельзя было подобрать на улице, были тухлые яйца. Один из них ударил лорда Элджина по лицу. Это был канадский метод выражения неодобрения генерал-губернатора за то, что тот действовал в строгом соответствии с принципами ответственного управления. Но это была лишь часть цены, которую ему пришлось заплатить за то, что он поступил правильно. Дальше было еще хуже.

Сразу же после этого возмущения одна из газет опубликовала объявление о проведении митинга под открытым небом на Марсовом поле. К вечеру волнение усилилось, и пожарные колокола зазвонили в набат, созывая людей на улицы. Марсово поле вскоре заполнилось буйной толпой, ревущей в знак одобрения диких речей, осуждавших "тиранию" генерал-губернатора и реформаторов. Раздался крик: "К зданию парламента!" - и толпа устремилась на запад, разгромив на своем пути редакцию газеты Хинкса "*Пилот*". Палата представителей заседала, и, хотя сэр Аллан Макнаб предупредил ее о готовящихся беспорядках, она не решалась на такой крайний шаг, как вызов военных для защиты своего достоинства. В то время вся полиция города насчитывала всего семьдесят два человека, и в чрезвычайных ситуациях закон и порядок поддерживались с помощью гарнизонных полков или отрядом специальных констеблей. Вскоре Палата обнаружила, что предупреждение сэра Аллана касалось не воображаемой опасности. В освещенные окна внезапно влетели залпы камней, и прихожане разбежались, спасая свои жизни. Толпа хлынула в здание и захватила Актовый зал. Здесь они разломали на куски мебель, фурнитуру, люстры. Один из участников беспорядков, мужчина со сломанным носом, сел в кресло спикера и крикнул: "Я распускаю этот Дом". Это больше похоже на сцену из парижского вечера, чем на реальное событие в степенном канадском городе. Вскоре послышался крик: "Здание парламента в огне". Другая банда бунтовщиков подожгла западное крыло, и через четверть часа все здание было объято пламенем. Хотя пожарные выехали быстро, толпа насильно помешала им выполнить свой долг, пока солдаты не пришли им на помощь, и тогда было слишком поздно спасать здание. На следующий день стояли только разрушенные стены. Библиотека парламента сгорела, несмотря на усилия по ее спасению, и изучающий канадскую историю всегда будет оплакивать потерю невосполнимых записей и рукописей в том трагическом пожаре. Одна вещь была спасена. Молодой Сэндфорд Флеминг и трое других вынесли портрет королевы. Это был почти такой же галантный поступок, как спасение Леди лично.

И разрушение здания парламента не было последней вспышкой. На следующий вечер толпа снова взялась за свое дело, нападая на дома различных лидеров Реформ. Правительство Лафонтена приказало арестовать четырех зачинщиков беспорядков прошлой ночью. В отместку в его дом проникли силой, разбили мебель, уничтожили библиотеку и подожгли конюшню.

Фактически, в течение трех дней Монреаль был похож на город, охваченный революцией. Для восстановления чего-то вроде порядка на улицах потребовалась тысяча специальных констеблей, вооруженных пистолетами и саблями, в дополнение к солдатам. Но беспорядки еще не закончились. Самая жестокая сцена из всех произошла тридцатого апреля. Палата представителей, естественно, была возмущена оскорблениями в адрес генерал-губернатора и составила обращение, в котором выражалось отвращение членов к насилию толпы, их лояльность королеве и их одобрение его справедливого и беспристрастного правления. Было решено вручить ему обращение не в пригородной резиденции "Монклендс", а публично в Доме правительства, замке Рамезе в самом сердце города. Такое решение продемонстрировало немалую отвагу с обеих сторон, но конец был почти трагедией. Лорд Эджин был очень близок к тому, чтобы быть убитым на улицах Монреаля. В назначенный день он въехал в город, имея для сопровождения отряд драгун-добровольцев. По всем улицам его карету забрасывали камнями и другими снарядами, а вход в Дом правительства был заблокирован воющей толпой. Его эскорт заставил толпу расступиться, и генерал-губернатор вошел, неся с собой двухфунтовый камень, который бросили в его карету. Это было безошибочное доказательство того, как обращались с представителем королевы в Канаде верные подданные Ее Величества. Когда церемония закончилась, он попытался избежать неприятностей, выбрав другой маршрут обратно в "Монклендз", но его обнаружили и буквально выследили за пределами города. Кэбы, коляски и все, что могло передвигаться, были немедленно брошены в погоню, и, пересекая его маршрут, карета генерал-губернатора подверглась жестокому нападению на главной улице пригорода Святого Лаврентия. Хорошая и быстрая езда его фореиторов позволила ему рассеять отчаявшуюся толпу, но только после того, как его брату, полковнику Брюсу, была отсечена голова, начальнику полиции, полковнику Эрматингеру, и капитану Джонсу, командовавшему эскортом, были нанесены телесные повреждения, а все части экипажа въехали внутрь. "Даже в "Монклендсе" лорд Эджин не был в полной безопасности. Толпа угрожала напасть на него там, и дом был переведен в режим обороны. Женщины из его семьи, ехавшие в церковь, были оскорблены. Чтобы избежать ссор, он спокойно оставался в своем загородном поместье; и за заботу об общественном благе был осмеян, изображен карикатурно и с презрением прозван Монклендским отшельником.

Беспорядки не закончились без кровопролития. Ночью бунтовщики снова напали на дом Лафонтена; из окон по толпе были произведены выстрелы, и один человек был убит. Призыв к расовой страсти был неотразим. Человек британской крови был убит французом. Похороны случайной жертвы были превращены в политическую демонстрацию. Лафонтена фактически судили за соучастие в аварии, но оправдали. Монреаль пережил нечто вроде царства террора; кровавое столкновение между французами и англичанами могло произойти в любой момент. Эджина призвали объявить военное положение и свергнуть власть толпы с помощью войск. Он поступил мудро, отказавшись впадать в такие крайности. Городские власти сами должны были навести порядок, и наконец они сделали это со своей тысячей специальных констеблей. Апрельские беспорядки 49-го стоили Монреалю чести быть столицей Канады и в конечном итоге привели к превращению маленького неуклюжего Байтауна в величественный город Оттаву, гордо возвышающийся на огромном утесе над рекой Гласси.

О поведении Эджина во время этого затянувшегося испытания почти невозможно говорить в терминах умеренной похвалы. Должно быть, он был меньше или больше, чем человеком, чтобы не испытывать горечи от обрушившихся на него оскорблений. Естественный человек говорил в американце, который "не мог понять, почему вы их не сбили"; а также в канадце, который

"превратил бы Монреаль в пепелище", прежде чем вынести половину того, что вынес губернатор. Но Элджин действовал не как обычный человек, а как христианин и государственный деятель, он отказался отвечать насилием на насилие; и он отказался свести на нет принципы народного правления, преклонившись перед взрывом народного гнева. Но более непопулярный генерал-губернатор никогда не занимал свой пост в Канаде.

ГЛАВА V

УСТАНОВЛЕННЫЙ ПРИНЦИП

Буря, поднятая счетом о потерях повстанцев, не скоро утихла. Это не закончилось избиением вице-короля, поджогом здания парламента, массовыми убийствами и господством толпы на улицах Монреаля. В британской палате общин весь этот вопрос был тщательно обсужден. Молодой мистер Дизраэли, щеголеватый еврейский романист, утверждал, что в Верхней Канаде нет мятежников, в то время как молодой мистер Гладстон, "растущая надежда этих суровых и негибких тори", доказал, что существуют фактические мятежники, которые будут вознаграждены за свою измену в соответствии с канадским статутом. В письме в *The Times* в качестве опровержения Хинкс показал, что повстанцы в Верхней Канаде уже получили компенсацию в соответствии с Актом правительства Тори. Тот, кто говорит "А", должен также сказать "Б". Из аргументов Гладстона и Хинкса совершенно ясно, что законопроект о возмещении убытков от восстания был чем угодно, только не идеальной мерой. Его принятие вызвало одну более важную реакцию - движение за аннексию 1849 года.

Наши писатели обычно замалчивают этот эпизод канадской истории. Это считается национальным позором, постыдным признанием в трусости, подобным попытке самоубийства у человека. Это, несомненно, свидетельствовало о недостатке веры в будущее. Те, кто организовал движение, "отчаялись в республике". Но можно обвинять их слишком сильно. В воздухе витала мысль об аннексии Соединенных Штатов. Лорд Элджин пишет, что это считалось средством от всякого рода недовольства канадцев. Страх перед этим преследовал его на протяжении всего срока пребывания на этом посту. Радикальные журналы в Канаде годами проповедовали аннексию, и политики в Соединенных Штатах с уверенностью ожидали ее. Еще в 1866 году законопроект, предусматривающий прием в Союз штатов Верхняя Канада, Новая Шотландия и др., прошел два чтения в Палате представителей. Выборы в Доминион, состоявшиеся четверть века спустя (1891), нанесли смертельный удар представлению о том, что аннексия была явным предначертанием Канады; но идея умерла тяжело.

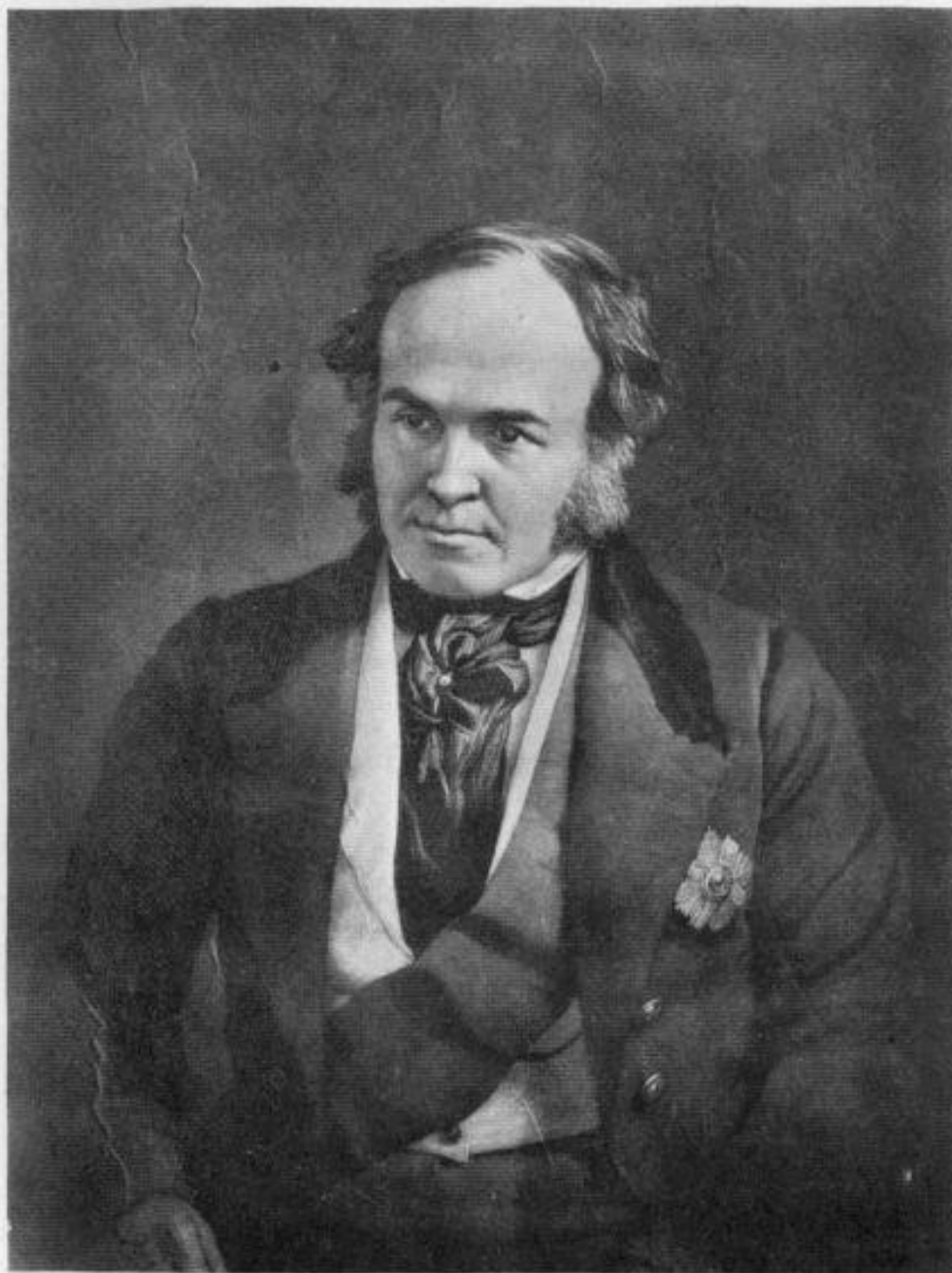
Действие и противодействие равны и противоположны. Озлобленная поражением, та самая партия, которая стояла как скала за объединение с Британией, теперь определенно выступила за отделение. Циркуляр, выпущенный Ассоциацией аннексий Монреаля, является документом, который слишком редко изучают, но он заслуживает изучения. По тону он противоположен подстрекательскому; он заметно умеренный и рассудительный. После беспристрастного анализа нынешней ситуации в нем рассматриваются возможности, которые открываются перед колонией — федеральный союз, независимость или взаимность с Соединенными Штатами. Все, что Голдвин Смит хотел сказать о явном предназначении Канады, сказано здесь. Его идеи и аргументы прекрасно знакомы аннексионистам 49-го года. Апелляция в конце содержит следующее предложение:

Собратья-колонисты, таким образом, мы изложили вам наши взгляды и убеждения по важному вопросу, включающему изменение, которое, хотя многие из нас рассматривают его с различными чувствами и эмоциями, мы все считаем неизбежным; обеспечить и законно продвигать которое — наш долг.

Были те, кто протестовал против аннексии; но их осудили как "известных монополистов и протекционистов". Один оратор сказал: "Если бы это было необходимо, я мог бы множить цитату за цитатой, чтобы доказать, что Англия считает и рассматривала в течение многих лет наши нынешние отношения с ней как обременительными, так и невыгодными". Другой сказал: "Я могу почти сказать, всеми признано, что Канада в конечном итоге должна стать частью Великой Американской Республики — что это всего лишь вопрос времени". Далее следует список примерно из девятисот имен, начинающийся с Джона Торранса и заканчивающийся Эндрю Стивенсоном. Здесь есть не только английские, но и французские имена. Некоторые носители этих имен сегодня не гордятся тем фактом, что их можно найти в этом списке. Один тори отказался подписать манифест: на его памятнике высечена надпись: "Британским подданным я родился, британским подданным я умру".

Манифест был поддержан различными памфлетистами и журналистами. Элджин описывает свой страх перед "призывом к аннексии, распространяющимся по провинции подобно лесному пожару". Но это не распространилось "как лесной пожар". Первоначальный импульс, который, возможно, отчасти был "раздражительностью", казалось, исчерпал себя. Не все мнение англичан было в пользу "увольнения художника"; и одним из самых решительных противников аннексии была очень проницательный политик, молодая королева. Столь же решительно был настроен генерал-губернатор Канады. "Сделать аннексию невозможной путем насилия и любыми другими средствами, какими бы невероятными они ни были, - писал он, - является полярной звездой моей политики". Когда он мог, он достаточно ясно показывал, в чем заключается его политика. Манифест аннексионистов содержал немало имен людей, занимающих государственные должности, мировых судей, королевского советника, офицеров милиции и других. Элджин разослал циркулярное письмо этим в высшей степени респектабельным людям, занимающим должности по воле короны, с уместным вопросом, действительно ли они подписали рассматриваемый документ. Некоторые подтвердили,

некоторые опровергли; другие, опять же, поставили под сомнение право губернатора проводить расследование. Затем он отстранил от должности всех, кто не отказался от своих подписей, а также тех, кто их признал. Его действия произвели превосходный эффект и показали, что он не был слабаком. Его горячо поддержал министр по делам колоний Эрл Грей. До сих пор он был всего лишь пэром Шотландии, но теперь, в знак одобрения правительства, стал пэром Соединенного Королевства. Вскоре коммерческие условия, которые сыграли немалую роль в политическом недовольстве, начали улучшаться.

THE EARL OF ELGIN

From a daguerreotype

*Граф Элджин.
С дагерротипа*

Услуги Хинкса стране, принявшей его, в то время имели величайшую ценность. Будучи не только журналистом, но и финансистом, он смог собрать капитал, необходимый для больших

общественных работ, и самым убедительным образом представить британскому инвестору ресурсы Канады. Строительство канала Уэлланд было завершено; началась эра развития железных дорог. Иммиграция увеличилась, и бизнес начал поднимать голову. В 1849 году были отменены последние старые навигационные законы, запрещавшие иностранным судам торговать с Канадой. Они были наследием империализма Кромвеля, но теперь вышли из употребления. Хотя Приморские провинции от этого не выиграли, порт Монреаль начал приходить в себя как глава судоходства. В 1850 году около сотни иностранных судов искали его причалов.

Следующая сессия парламента состоялась в Торонто, согласно странному соглашению, по которому этот город должен был чередоваться с Квебеком в качестве резиденции правительства. Каждые четыре года правительство со всеми его препятствиями должно было мигрировать от одного к другому. Либеральной партии вскоре предстояло обнаружить, что сокрушительная победа на выборах и ничтожная оппозиция в Палате представителей не были безусловным благословением. Она начала разваливаться под собственной тяжестью. Вскоре возникло радикальное крыло, как английское, так и французское. Партия "Чистое сердце" в Верхней Канаде двигалась прямо к республиканизму, как и "*Красная партия*" Папино со своим органом *L'Avenir*, открыто проповедующим аннексию. Канадские глаза все еще были ослеплены удивительно быстрым ростом Соединенных Штатов. Американская демократия явно торжествовала, и кратчайший путь Канады к равному процветанию лежал через прямое подражание. Спасение можно было найти во всеобщем применении выборного принципа - от полицейского до губернатора. Это было до того, как непредвиденные тенденции демократии заставили американцев отказаться от их самодовольной веры в нее и превратили их сначала в ярых критиков, а затем в решительных реформаторов системы, которую они когда-то считали безупречной. Законодательство сессии 1849-50 годов все еще имеет меры стоимости. Канада впервые взяла на себя полный контроль над своей собственной почтовой системой. Был подтвержден принцип отдельных школ для римско-католиков - мера, которая резко контрастирует с Соединенными Штатами, где сектантское преподавание исключено из государственной школьной системы. Ни один счет не был "зарезервирован", что *The Globe* назвала "беспрецедентным фактом в истории Канады". Теперь колония была полностью свободна распоряжаться своими собственными делами, хорошо это или плохо, и вести себя неправильно, если она того пожелала. Лорд Элджин чуть не отдал свою жизнь за эту идею; отныне она никогда не подвергалась сомнению.

Две нерешенные проблемы были, наконец, устранены Великой администрацией во время этой сессии. Они оба были земельными вопросами; один беспокоил английскую, а другой - французскую половину провинции. В течение целого десятилетия недовольство Резервистов Духовенства дремало; теперь пришло время для урегулирования. Резервы духовенства были окончательно секуляризованы. Хинкс, проницательный парламентарий, возглавил Палату представителей, обратившись к британскому парламенту с просьбой отменить Закон 1840 года. Это был первый шаг, предшествующий передаче нераспределенной земли на содержание школьной системы. При голосовании по этой мере Лафонтен выступил против, в то время как Болдуин поддержал ее. Расхождение во мнениях ознаменовало ослабление министерства.

Другим вопросом, который затронул французскую Канаду, было сеньориальное владение землей. Система была унаследована со времен Ришелье. В отличие от англичан, которые позволяли своим колониям развиваться бессистемно, французы с самого начала

организовывали и регулировали свои владения в соответствии с определенной схемой. На берегах реки Святого Лаврентия они установили феодальную систему владения землей, единственную систему, которую они знали. Там были сеньоры, или землевладельцы, со своими постоянными арендаторами, или *цензорами*. Существовали древние обычаи — *цензура и рента, собственность и средства, право на банальность*.^[1] суд сеньоров и так далее. Сеньории были также основаны в Акадии; но они были выкуплены короной около 1730 года, после передачи этой провинции Великобритании. По мнению таких авторитетов, как Султе и Мунро, сеньориальная система очень хорошо отвечала своему назначению. Сначала французы не хотели, чтобы ее трогали. Во время смуты 37-го простые жители думали, что они борются за отмену налогов сеньоров. К середине девятнадцатого века это стало почти такой же абсолютной аномалией, как испытание боем. Но вопрос о реформе столкнулся с трудностями. Кто был законными владельцами восьми миллионов арпентов земли — сеньоры или *цензоры*? Кому должна быть передана вся эта земля? Существовал ли третий метод — изменение прав с адекватной компенсацией? Реформаторы не пришли к согласию между собой. Некоторые выступали за отмену прав сеньоров, другие — за добровольное соглашение с помощью закона. Лафонтен питал отвращение к переменам, а Папино, который сам был сеньором, придерживался древних обычаев. Весь вопрос был передан на рассмотрение комитета, но все попытки рассмотреть его на сессиях 1850 и 1851 годов ни к чему не привели. Только в 1854 году были предприняты определенные действия. Все феодальные права и обязанности, независимо от того, относились ли они к *цензору* или сеньору, были отменены законом, и был назначен двойной суд для рассмотрения претензий всех сторон и обеспечения справедливой компенсации за потерю имущественных интересов сеньоров. Потребовалось пять лет терпеливого расследования и более десяти миллионов долларов, чтобы избавиться от этой аномалии, но в конце концов это было сделано на благо страны. Бурино говорит: "Деньги были потрачены не зря, чтобы осуществить столь радикальную революцию таким мирным и окончательным образом".

Оба эти вопроса привели к расхождению во мнениях в Кабинете министров. Clear Grits, или радикальное крыло, находились в постоянной оппозиции просто потому, что прогресс реформ был недостаточно быстрым. Уильям Лайон Маккензи, вновь оказавшийся в парламенте, оказал им эффективную помощь. В июне 1851 года он подал ходатайство об упразднении Канцлерского суда, который был реорганизован Болдуином всего два года назад и, казалось, работал довольно хорошо. Хотя предложение было отклонено, Болдуин понял, что руководство партией переходит от него и его друзей, и в конце месяца подал в отставку. Одним из приятных эпизодов в истории канадских парламентов стало искреннее выражение сэром Алланом Макнабом сожаления по поводу ухода на пенсию его политического оппонента. Таких приятностей мало. В октябре того же года Лафонтен также подал в отставку, устав от политической жизни. Его письмо Болдуину, написанное еще в 1845 году, приоткрывает завесу. "Я искренне надеюсь, — говорит он, — что никогда больше не окажусь в ситуации, когда мне придется снова вступать в должность. Чем больше я вижу, тем большее отвращение испытываю. Кажется, что двуличие, обман, недостаток искренности, эгоизм были добродетелями. Это дает мне слабое представление о человеческой природе. ' Это высказывание не циника, а честного человека, страдающего от разочарования. Его уход из общественной жизни был окончательным. Он был назначен главным судьей Нижней Канады и с отличием председательствовал на заседаниях сеньориального суда. Таким образом, его политическая карьера завершилась, когда он был

еще молодым человеком, за плечами которого были годы ценной службы. Болдуин попытался вернуться к политической жизни. Отставка двух лидеров повлекла за собой новые выборы, и Болдуин потерпел поражение в своем собственном "карманном городке" от Хартмана, отличавшегося твердостью духа. Это был конец. Он удалился в свое поместье "Спадина", его здоровье пошатнулось из-за пристального внимания к государственной службе. Он был абсолютно честным политиком, которого заслуженно помнят за честность его жизни и его вклад в строительство Канады. Итак, Великая администрация достигла своего периода.

Ему на смену пришло министерство, лидерами которого были Хин и Морин. В состав нового парламента вошла новая политическая сила - Джордж Браун, создатель газеты *Globe*. Шотландец по происхождению, радикал в политике, упрямый, язвительный на язык, противник компромиссов, с каледонским пылом и любовью к фактам, он вскоре обзавелся большим количеством сторонников в стране и стал грозным критиком в Палате представителей. Он не одобрял покойное министерство за его неспособность выполнить программу, одобренную *Globe*, особенно секуляризацию резервов духовенства. Он стал защитником протестантства, обличителем таких действий, как разделение папой Англии на римско-католические кафедры и назначение кардинала Уайзмана архиепископом Вестминстерским, а также ярим противником "французского господства". Его деятельность не способствовала сближению французского и английского языков. Ему не хватало дара его успешного соперника Джона А. Макдональда заводить друзей и внушать личную преданность.

Правительство Хинкса-Морина было администрацией делового человека. Оно примечательно успешным продвижением различных железнодорожных, морских и коммерческих предприятий. Это помогло в создании линии пароходов в Великобританию, предложив значительную субсидию на перевозку почты, и эта политика продолжается, с одобрения нации, до настоящего времени. Именно это министерство также подтолкнуло строительство Большой магистрали и в конечном итоге преуспело в создании национальной автомагистрали от Ривьер-дю-Лу до Сарнии и Виндзора. Это была эпоха безрассудных железнодорожных спекуляций. Муниципалитеты были уполномочены занимать деньги под долговые обязательства для строительства железных дорог, гарантированные правительством провинции. К сожалению, они занимали непомерные суммы и влезли в долги, от которых, в конце концов, провинции пришлось их спасать. Но, в отличие от того, что произошло в случае с некоторыми американскими штатами, канадские муниципалитеты не отказались от долгов.

1851 год также знаменит Великой выставкой. Британия ввела свободную торговлю, что принесло ей огромную пользу. Ожидалось, что все нации мира последуют ее примеру и устранят барьеры для торговли на благо всех. Свобода общения между нациями должна была уничтожить зависть и подозрительность, которые приводят к войне. Чтобы открыть новую эру мира и беспрепятственной торговли, в Гайд-парке был возведен Хрустальный дворец — "дворец, сделанный из ветряных мельниц", как назвал его Теккерей, — и наполненный продуктами со всего мира. Идея возникла у принца-консорта, и она была достойна его. Впервые различные страны могли сравнить свои ресурсы и производство друг с другом. Канада внесла в это свою лепту. Как демонстрация общего британского превосходства в мануфактурах Великая выставка имела большой успех; но как предвестие эры всеобщего мира она потерпела печальный провал. Три года спустя Англия, Франция и Сардиния сражались с Россией, чтобы поддержать прогнившую турецкую империю. Затем последовал Великий Мятеж; затем четыре года братоубийственной борьбы между Северными и Южными штатами; затем война Пруссии и

Австрии; затем свержение Франции Германией. Все эти события оказали свое влияние на Канаду. 100-й полк был сформирован в Канаде для действий в Крыму. Джозеф Хоу отправился в Нью-Йорк с отчаянной миссией по вербовке. В Новой Шотландии объявлен общественный пост в связи с новостями о массовых убийствах белых женщин и детей сипаями. Тысячи канадцев завербовались в армии Севера. Папские зуавы отправились из Квебека на помощь папе против Гарибальди. Все это было симптомами того, что канадцы начинали перерастать свой узкий провинциализм и лучше осознавать свои отношения с внешним миром, и особенно с Великобританией. Страна стремилась к той роли, которую в наши дни она сыграла в Великой войне.

Тем временем лорд Элджин играл свою роль конституционного губернатора, придерживаясь своего принципа принятия демократии, даже когда демократия шла наперекосяк. Несмотря на свою неприметность, он всегда строил планы на благо страны, которой руководил. У него были видения имперского *цольферайна*, но он ясно осознавал огромные и непосредственные преимущества более свободных торговых отношений между британско-американскими колониями и Соединенными Штатами. Те, которые когда-то были достигнуты, он считал, что опасность Аннексии миновала. Его деятельность в последний год пребывания в должности доказывает, что способный человек может быть строго конституционным губернатором и при этом сохранять почти неоценимую силу инициативы. В 1853 году лорд Элджин нанес визит в Англию и, находясь там, получил все полномочия для ведения переговоров с Соединенными Штатами. В течение нескольких лет Хин делал все возможное, чтобы побудить американское правительство рассмотреть вопрос о взаимности в отношении натуральных продуктов с Канадой, но безуспешно. Законопроекты на этот счет даже были внесены в Конгресс, но они так и не вышли за рамки предварительных стадий. Новая Англия была склонна одобрить это предложение, поскольку сельское хозяйство там приходило в упадок раньше, чем рост мануфактур. Юг предпочитал взаимность, а не аннексию, поскольку "непреодолимый конфликт" между рабовладельческими штатами и свободными штатами с каждым днем становился все ближе к наблюдательным глазам, и включение Канады в Союз означало значительное усиление и без того густонаселенного Севера. Оппозиция исходила от фермеров Северных штатов, которые опасались конкуренции со стороны страны, пока еще почти полностью занимавшейся сельским хозяйством. Всеобщее безразличие, оппозиция части населения в сочетании с ощущением, что Канаде нечего предложить взамен на доступ к огромному американскому рынку, вывели взаимность из сферы практической политики. Чашу весов перевернул вопрос о треске.

С момента успеха революции рыбаки Новой Англии затаили обиду на британское правительство и на колонии, которые не восстали. Они считали крайне несправедливым, что, будучи успешными повстанцами, они не могли пользоваться привилегиями рыболовства в Северной Атлантике, которыми они пользовались как верноподданные. Они хотели съесть свой пирог и получить свой пенни. Конечно, никакая сила на земле не могла изгнать их с Берегов, огромных косяков в открытом море, где рыбы питаются миллионами; но территориальные воды - совсем другое дело. По международному праву власть страны распространяется на воды, которые ее омывают, на три мили, на расстояние пушечного выстрела, как гласит старая фраза. Сейчас именно в территориальных водах британских американских провинций поражаются огромные косяки скумбрии и сельди. Американские рыбаки не имели на эти воды ни тени права, но

изобретательность янки не уступала трудностям и поставила вопрос: где простирается трехмильное ограничение? Американские юристы и дипломаты настаивали на том, что он повторял все изгибы берега. В случае признания это заявление дало бы американским рыбакам право доступа в огромные британские бухты, полные ценной рыбы. Канадское утверждение состояло в том, что трехмильное ограничение проходило от мыса к мысу, таким образом исключая американцев от рыбной ловли в более глубоких углублениях береговой линии. По договору 1818 года американцы были определенно лишены доступа в территориальные воды, но все равно они браконьерствовали в канадских заповедниках. Жителей Новой Шотландии сводило с ума зрелище инопланетян, нагло вытаскивающих свои сети в пределах видимости берега и вынимающих хлеб у них изо рта. Американцы применили правило "от мыса к мысу" к своим собственным территориальным водам; ни один рыбак "Синезубый" не мог рисковать заходить в Чесапик; но для "британцев" настаивать на том же правиле было совсем другим делом. В 1852 году постоянное столкновение интересов едва не привело к войне; поскольку Британия поддержала справедливые жалобы своих колоний, выделив отряд из шести крейсеров для защиты наших рыбных промыслов и борьбы с браконьерами, а американское правительство также направило корабли для защиты своих рыбаков. Никаких дальнейших действий не последовало, за исключением рекомендации в послании президента Конгрессу о том, что весь вопрос должен быть урегулирован международным договором.

Такова была ситуация, когда лорд Эджин прибыл в Вашингтон в мае 1854 года. В его свите были Хинкс и Лоуренс Олифант, писатель, чей юмористический отчет о том, что он увидел во время переговоров, является самым забавным чтением. Дипломаты прибыли в американскую столицу в один из самых драматических моментов американской истории. В самый день их прибытия законопроект о Канзасе и Небраске был принят Конгрессом. Это означало кратковременный триумф Юга и распространение рабства на огромные *внутренние* земли за Миссисипи. Принятие законопроекта было отмечено салютом из ста ружей, и, опасаясь неприятностей, законодатели засели в Палате представителей, вооруженные до зубов.

Лорд Эджин немедленно приступил к операциям, которые с трудом можно отличить от обычного вестибюля. От Марси, государственного секретаря, он узнал, что ядром оппозиции взаимности было демократическое большинство в Сенате, и он приступил к воспитанию сенаторов-демократов. Последовал ряд приятных обедов и других развлечений, на которых блистал лорд Эджин. Британский пэр всегда является объектом интереса в условиях демократии. Этот человек обладал чрезвычайно приятными манерами, обаянием, к которому особенно восприимчивы южане, а также необычным ораторским даром, который снискал ему расположение публики, привыкшей к красноречию Дэниела Вебстера и Уэнделла Филлипса. Обо всем этом говорило демократическое большинство. То, что договор "был заключен на шампанском", является преувеличением; но, несомненно, с обеих сторон было проявлено большое гостеприимство и много дружеских отношений. Через десять дней после своего прибытия в Вашингтон лорд Эджин смог сообщить мистеру Марси, что демократы не будут возражать против договора, и пятого июня он был фактически подписан. Олифант приводит самые забавные подробности фактической церемонии проставления подписей. Он вступил в силу только после того, как был официально ратифицирован законодательными собраниями Великобритании и Соединенных Штатов. Наиболее важные положения заключались в следующем.

Натуральные продукты должны были беспошлинно ввозиться в обе страны, основными из которых были зерно, мука, пиломатериалы, хлебобулочные изделия, животные, свежее, копченое и соленое мясо, пиломатериалы всех видов, домашняя птица, хлопок, шерсть, шкуры, металлические руды, пек, деготь, зола, лен, конопля, рис и необработанный табак. Взамен американские рыбаки получили желанную привилегию вести промысел в территориальных водах Приморских провинций без каких-либо ограничений в отношении расстояния или мысов. Канадцам было предоставлено право ловить рыбу на истощенных американских землях к северу от 36-й параллели Северной широты. Жители Новой Шотландии были недовольны этими уступками, особенно потому, что им не разрешалось участвовать в каботажной торговле с Америкой; но по мере роста торговли и цен их недовольство, естественно, исчезло.

Выгоды, получаемые Канадой от этого договора, были очевидны каждому. За первый год его работы стоимость товаров, которыми обмениваются две страны, выросла в среднем с четырнадцати миллионов долларов в год до тридцати трех миллионов, увеличившись более чем на сто процентов. Объем торговли неуклонно рос со скоростью восьми-девяти миллионов долларов в год. Когда между Севером и Югом разразилась война, цены подскочили, и в течение четырех лет борьбы у Канады был жадный рынок сбыта всего, что она могла производить. Выгода для обеих стран была очевидна. Впервые со времен Революции потоки североамериканской торговли беспрепятственно потекли по своим естественным руслам. Канада никогда не знала такого периода процветания и никогда не должна была знать другого, пока великий Запад не был открыт железными дорогами и пока иммигранты не начали стекаться сотнями тысяч, чтобы собрать с плодородного суглинка прерий обильные урожаи пшеницы, поддерживаемой человеком. Пакт лорда Элджина действовал двенадцать лет. За последний год объем торговли превысил восемьдесят четыре миллиона. Соглашение расторгнуто по целому ряду причин, экономических и политических. Канада повысила пошлины на американскую продукцию, чтобы покрыть свои растущие расходы; и она пыталась отвлечь американскую торговлю от ее регулярных маршрутов к прибыльному транзиту через канадскую территорию. Но главной причиной была горечь Соединенных Штатов по поводу позиции Великобритании во время Гражданской войны. Дело *Трента*, разрушения, нанесенные *Алабамой* и другими разрушителями торговли, открытое и общепризнанное сочувствие Югу, выраженное в британских журналах и в других местах, убедили американский народ в том, что Британия была бы рада видеть распад Республики. В том, что с помощью такой провокации американцы лишили британскую колонию коммерческого преимущества, не было ничего противоестественного. Один государственный деятель даже предложил передать Соединенным Штатам всю Канаду в качестве компенсации за претензии *Алабамы*. Тот факт, что по этому договору вообще велись переговоры и что эксперимент в области торговли был настолько выгоден обеим странам, несет в себе определенные важные уроки. Этот эпизод доказывает, что губернатор колонии, управляя страной в строгом соответствии с конституцией, может сделать для своего правительства то, чего не может сделать никто другой. Успех лорда Элджина никогда не повторялся. Делегация за делегацией самых способных политиков Канады совершали паломничество из Оттавы в Вашингтон в поисках улучшения торговых отношений, но безрезультатно. Второй урок - это тенденция торговли высмеивать политические границы и вступать в брак с географией. Даже сейчас, при высоких тарифах по обе стороны границы, Канада тратит пятьдесят один доллар в Соединенных Штатах на каждые тридцать три доллара, которые она тратит в Англии.

После своего триумфа в Вашингтоне генерал-губернатор вернулся в Канаду, чтобы еще раз испытать демократические манеры. Правительство Хинкса-Морина приближалось к концу. Не успел парламент собраться в древней столице Квебека, как был распущен. В политическом перетягивании каната, известном как дебаты по Обращению, правительство потерпело поражение. Вместо того чтобы подать в отставку, лидеры рекомендовали генерал-губернатору распустить Палату представителей, чтобы можно было провести новые выборы и выяснить мнение народа по двум важным вопросам: о резервах духовенства и о владении сеньорией. Оппозиция утверждала, что министерство должно либо уйти в отставку, либо принять какой-нибудь законодательный акт в качестве пробы сил. Позиция лорда Элджина была точно такой же, как и во времена законопроекта о потерях от восстания. Он действовал по совету своих министров. Когда он прибыл в Палату представителей, чтобы объявить перерыв, произошла самая необычная сцена. Его заставили ждать целый час, пока стороны препирались, и когда верные члены Палаты общин Ее Величества все-таки явились, спикер Джон Сэндфилд Макдональд зачитал сначала по-английски, а затем по-французски ответ на Обращение, которое было преднамеренным оскорблением представителя Ее Величества. Смысл ответа заключался в том, что, поскольку никакого законодательства принято не было, сессия не проводилась; и что это несоблюдение обычая произошло "из-за приказа, который ваше превосходительство возложили на нас, встретиться с вами сегодня с целью отсрочки". Сэндфилд Макдональд был честлюбивым и мстительным человеком. Он также был неправ в своей интерпретации конституции. Хинс отказал ему в должности в кабинете министров, которой он так жаждал, и это был его способ отомстить ему. Тем не менее, в Палате представителей был объявлен перерыв, и выборы были проведены.

Согласно старому дурному обычаю, они растянулись на несколько недель, вместо того чтобы проводиться в один день. Результат оказался неблагоприятным для правительства. Представительство было увеличено, и из общего числа вернувшихся членов в состав министерства осталось только тридцать человек. Консерваторов было двадцать два, чистых Гритса - семь, независимых - шесть, а Ружа - девятнадцать. Папино потерпел поражение и удалился в свою сеньорию. Хинкса вернули на пост по двум избирательным округам. При выборах спикера он очень ловко помешал честлюбивому стремлению Сэндфилда Макдональда занять этот пост; но вскоре после этого министерство потерпело поражение по пустяковому вопросу и ушло в отставку. Впоследствии Хинкса посвятили в рыцари и назначили губернатором Барбадоса и Гвианы. Он вернулся в Канаду в 1869 году, чтобы стать членом кабинета сэра Джона Макдональда. Он сколотил себе состояние и сыграл немалую роль в создании Канады. Он умер от оспы в Монреале в 1885 году. Его *воспоминания* являются авторитетом первостепенной важности для истории своего времени.

Этот последовательный пожизненный тори, сэр Аллан Макнаб, стал главой нового министерства. Генеральным прокурором Верхней Канады был Джон А. Макдональд. Шесть членов старого кабинета реформаторов сидели в новом министерстве бок о бок с четырьмя консерваторами. Это означало формирование новой партии в Канаде, Либерально-консервативной, что является точным описательным названием, потому что в нее вошли лучшие элементы обеих партий. Под руководством Джона А. Макдональда она удерживала власть практически тридцать лет. Этот способный политик, получивший образование в этой стране, а не за ее пределами, инстинктивно почувствовал присущую канадскому темпераменту умеренность и то, насколько чужды ему были экстравагантность *румянец* и Твердая выдержка. Национальный темперамент осторожен и склонен "избегать лжи крайностей". Под господством

новообразованной партии враждующие разрозненные провинции объединились и выросли до размеров нации.

Правление лорда Эджина закончилось. Осенью 1854 года он совершил поездку по провинции, и везде его встречали с несомненными знаками признательности и доброй воли. Он был прав, думая: "Я имею сильную власть над народом этой страны". Его администрация представляла собой триумф принципа государственного деятеля над любыми соображениями удобства, популярности и даже безопасности. Благодаря его твердости и рыцарскому представлению о своей должности правительство по воле народа утвердилось без тени перемен. Чтобы оценить ценность его заслуг перед содружеством, достаточно представить главу сэра Фрэнсиса Бонда на его месте во время кризиса с законопроектом о потерях от восстания. Более слабый человек ввергнул бы страну в анархию или проявил бы слабость и отложил на неопределенный срок истинное решение жизненно важной конституционной проблемы.

Ни с одним губернатором Канады канадский народ никогда не обращался хуже; и все же ни один проконсул не имеет права на более благодарную память в Канаде. Несмотря на это жестокое обращение, он полюбил эту страну. Его красноречивая прощальная речь в Квебеке демонстрирует искреннюю привязанность к стране и искреннее сожаление о том, что ему приходится покидать ее навсегда. Как и любой путешественник, знавший обе страны, он был поражен контрастом между "всем пейзажем, залитым потоками яркого канадского солнца" и "нашей мрачной атмосферой по другую сторону Атлантики". Величественная красота Квебека, увенчанного цитаделью Святого Лаврентия, покорила его сердце. Как мудрый человек и христианин, он с нетерпением ждал конца; и он воображал, что воспоминание о зрелищах и звуках, которые он полюбил, скрасит его последние минуты. Он уехал из Канады на службу в Индию, как Дафферин и Лэнсдаун, и так и не вернулся. Его могила находится в Дурмсале под сенью Гималаев. Он отмечен тщательно продуманным памятником, увенчанным универсальным символом христианской веры; но более благородным и долговечным памятником является стабильное правительство, которое он дал "этому истинному Северу".

[1] См. *"Сеньоры Старой Канады"*, глава iv.

ЭПИЛОГ

Двенадцать лет, последовавших за режимом Элджина, ознаменовались приливом процветания Канады. Помимо преимуществ Договора о взаимности, страна процветала. Расширение железных дорог, приток населения привели к быстрому освоению огромных природных ресурсов страны. Однако в политическом плане дела шли не так хорошо. Старые трудности исчезли, но их место заняли новые. Больше не было вопроса ни о конституции, ни об отношении к ней губернатора, ни об упорядоченной процедуре в механизме управления; но между партиями, слишком равномерно распределенными, шла ожесточенная борьба. Решение заключалось в формировании большего единства, и в 1867 году четыре провинции заключили конфедерацию, которая вскоре должна была охватить половину континента от океана до океана. День доминиона 1867 года был днем рождения новой нации, и настоящий поэт в одной строфе уточнил отношение Канады к Великобритании и всему миру.

Нация говорила с Нацией,
Трон послал слово Трону:
"Дочь я в доме моей матери,
Но хозяйка в своем собственном!
Я могу открывать двери,
Как и закрывать их,
И я остаюсь в доме моей матери", -
Сказала Богоматерь Снегов.

Quis separabit? Все уверенные пророчества о "вырезании художника" сошли на нет. В величайшем испытании Великой войны Канада ни на секунду не дрогнула. Она добровольно отдала свою кровь сокровища в поддержку Империи и Правых. Более сурового испытания тех уз, которые связывают британские народы воедино, невозможно себе представить. Оглядываясь назад, на то время, когда британских солдат пришлось послать на подавление канадского восстания, на то время, когда французские канадцы и англо-канадцы сражаются бок о бок в трех тысячах миль от своих домов за сохранение Империи, мы видим самый поразительный из исторических парадоксов. То старое, недоброе время кажется таким же несущественным, как сон; это кажется единственной реальностью; и все же эти два периода разделены лишь отрезком не очень долгой человеческой жизни. Правда в том, что в те дни канадцев не было. На берегах реки Святого Лаврентия жили французы, но их политический горизонт был ограничен пределами прихода. Их самый известный лидер мечтал только о независимой Французской республике или о еще одном государстве в Союзе. Население западной провинции состояло из разных элементов. Твердое ядро составляли лоялисты Объединенной империи, что придавало провинции ее отличительный характер. Шотландскую, ирландскую, английскую иммиграцию нельзя было причислить к подлинным сынам земли. Они построили свои бревенчатые хижины на полянах в диком лесу, но их сердца были прикованы к шейлингу, хижине, коттеджу, который они оставили за морем. Их преданность разделилась, о чем неоспоримым свидетельством является сохранение различных национальных обществ. Они были пионерами; они превратили дикую местность в сад; и их дети получили большое

наследство. Еще более негармоничной была иммиграция из-за южной границы людей, воспитанных на Декларации независимости и ораторском искусстве Четвертого июля. Исследования полковника Крукшенкса доказали, насколько они были многочисленны и насколько недовольны. Миссис Муди находила их и американизированных туземцев в Онтарио такими же неприятными, как миссис Троллоп в Цинциннати, и по тем же причинам. За исключением лоялистов, все эти элементы разделились по своим политическим убеждениям и идеалам. Их лидеры видели только две возможности. Британские связи были главной опорой старых колониальных тори; но их видением будущего страны была аристократия, землевладельческое дворянство, благопристойный союз церкви и государства — короче говоря, колониальная копия старой Англии Тори. С другой стороны, радикальные лидеры, как французы, так и англичане, видели перед собой только независимую республику или слияние с Соединенными Штатами. Насколько ограниченным было видение обоих, время показало с ослепительной ясностью. Инстинкт зарождающейся нации подсказал золотую середину и выбрал срединный путь. Канада твердо стояла на стороне Империи — насколько твердо, пусть свидетельствуют залитые кровью окопы Фландрии, - и все же она так же твердо придерживалась кредо демократии и своей решимости контролировать свои собственные дела.

У одного сына земли было видение шире, чем у его современников. За несколько лет до восстания редактор галифаксской газеты увидел, что разрозненные, враждующие британские колонии объединились под старым флагом и были связаны братством внутри Империи. Он видел железные дороги, опоясывающие континент, и белые паруса канадской торговли, усеивающие Тихий океан. Канадцы наших дней видят то, что предвидел Хоу, — око среди слепых. Пусть это повторится. В те старые времена в Канаде не было канадцев. Необходимо было создать Конфедерацию, родить и возмужать новое поколение, прежде чем стало возможным национальное чувство. Эти новые канадцы почти ничего не видели в провинциях с изжитыми междоусобицами и разделениями. Они видели только Доминион Канады. Их воображение было взбудоражено идеалом половины континента, отведенной для второго великого эксперимента в области демократии, огромной территории, которую должна заполнить, покорить и привести к власти новая нация. Несмотря на множество ошибок, провалов и разочарований, канадцы остались верны этому идеалу. Современная Канада - это нечто гораздо более грандиозное, чем когда-либо мечтали Маккензи и Папино; она оправдала опасения и превзошла надежды Дурхэмов и Элджинов; и она стоит на пороге, как твердо верят канадцы, более блестящего будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Ниже приведены некоторые из работ, с которыми следует ознакомиться:

Лорд Дарем, *Отчет о делах Британской Северной Америки* (1839).

Сэр Фрэнсис Хинкс, *Воспоминания* (1884).

Дент, *Последние сорок лет* (1881).

Рид, *Жизнь и письма первого графа Дарема* (1906).

Шортт, *лорд Сайденхэм* (1908).

Неправильно, *граф Элджин* (1906).

Бурино, *Лорд Элджин* (1905).

Уолронд, *Письма и дневники Джеймса, восьмого графа Элджина* (1872).

Ликок, *Болдуин, Лафонтен, Хинкс* (1907).

Поуп, *Мемуары сэра Джона Макдональда* (1894).

Канада и ее провинции, том v (1913), главы У. Л. Гранта, Дж. Л. Морисона, Эдварда Кайли, Дункана М'Артура и Адама Шорта.

Обратитесь также к отдельным биографиям различных лиц, упомянутых в повествовании: Тейлор, *Портреты американцев британского происхождения* (1865); Дент, *Канадская портретная галерея* (1880); и *Национальный биографический словарь* (1903).

Напечатано Т. и А. Констеблями, типографами Его Величества
издательства Эдинбургского университета